

Александр Шлятин

ТУНГУССКИЙ РОБИНЗОН

Александр Шляпин

ТУНГУССКИЙ РОБИНЗОН

«Автор»

2026

Шляпин А.

ТУНГУССКИЙ РОБИНЗОН / А. Шляпин — «Автор», 2026

Освободившийся из мест лишения свободы бывший десантник, командир разведывательной роты Сергей Лютый, попадает в авиационную катастрофу и остается жив вместе с дочерью директора золотого прииска. Самолет падает в тайгу накануне зимы. Казалось бы шансов выжить в сибирские морозы, без пищи, без связи в окружении волков и бандитов равны нулю. Но бывшему ЗК Лютому удастся решить все проблемы и выйти не только победителем, но и стать отцом...

© Шляпин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Свобода	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Шляпин

ТУНГУССКИЙ РОБИНЗОН

Глава первая

Свобода

Ближе к десяти, некоторые осужденные тринадцатого отряда учреждения УФСИН – 56 рассосались по зоне в поисках «приключений». Зеки, работающие на пилораме в ночную смену, дрыхли до самого обеда, не обращая внимания на лагерную суету. В отряде было относительно тихо. Свободные, от работы, смотрели в культкомнате «ментовский» сериал, который шел по старенькому телевизору. В углу отряда в самом укромном и теплом месте была вотчина лагерного «блаткоммитета». Сегодня, там шли какие-то таинственные терки. Шныри суетились, завешивая одеялами проходы и «шконки», чтобы скрыть воровское «мероприятие» от посторонних глаз. Обычно сюда не заглядывал глаз контролера – здесь лёжа на койке, отбывал, наказание авторитетный вор в законе Шаман, который был смотрящим за лагерем.

На тумбочке, рядом с его личным телевизором, стояла литровая банка свежесваренного чифирия. Распаренная шапочка ароматного индийского чая, возвышалась над банкой, источая приятное благоухание, которое сквозняком разносилось по всему барaku.

– Ну, что сидим – кого ждем? – сказал Шаман, бросая на тумбочку пачку сигарет «LM». – Ты, Лютый, не сиди, словно филин на суку? Твой день сегодня – ты и банкуешь! Тусани, пусть нифилиа на дно улягутся!

Лютый взял в одну руку банку, в другую алюминиевую кружку, несколько раз перелил из одной посуды в другую горячий чифирий. Заварка, плавающая на поверхности кипятка, потревоженная таинством лагерного чаепития, прямо на глазах плавно опустилась на дно, отдавая кипятку свой цвет, вкус и волшебный аромат.

– Шаман, а Лютый, не крохобор, хоть и рожа у него «автоматная» – поляну накрыл по-барски, – сказал Чалый, протягивая руку к коробке с шоколадными конфетами, которые на зоне были под запретом. – И чифирик, я вижу, не наш ларьковый, а крупнолистовой цивилизный!

– Ты, про Лютого, такими словами не бросайся. А то, он с тебя спросить может. Его сам Американец на зону завел.... А это дорого стоит, и тебе по масти, надо проявлять уважение.

– А че я? Я Лютого уважаю! Он босяк от комля, нечета некоторым. Я Саныч, за чай спрашивал, – сказал Чалый.

– Майский это – с воли подгон был! Ты Чалый, готов и палки грузинские бодяжить, лишь бы кишку глюкозой на халяву кишку набить! Ты же насколько я знаю, чифирик, не пьешь!?

– А че мне его пить? Я Николаич, мотор берегу! Он мне еще на воле пригодится.... Чифирий – он клапана сушит. Так до инфаркта не далеко, – сказал блотарь из соседнего отряда.

– Ты Чалый, дурак, – ответил ему Шаман, – ты не знаешь, что подохнешь, не от инфаркта.... Тебе за твой вольный базар, кто-нибудь в ливер заточку вставит....

– А че, я? Почему это заточку? – переспросил осужденный, делая недовольную гримасу.

– Да потому, что ты Чалый, берега путаешь, – сказал спокойно Шаман. – Вся зона знает, что ты свой базар не фильтруешь....

– Саныч, – век мне воли не видать! Бывает! Но я ведь не со зла.... Я ведь, всей душой с арестантами и по людским законам живу.... Я же не душегубец какой, а щипач.... Мы с Лютым

одним этапом заехали, я его еще по отстойнику знаю — чифирили вместе.... Он, мне грев обещал.

– Какой еще грев, – переспросил Шаман, улыбаясь. – Он все на общак смахнул!

– Да, матрац я ему свой обещал, – вписался Лютый.

– Ладно, босяк – торчи, – сказал Шаман, закуривая.

– Мне Саныч, не жалко! Пусть глюкозу хаает, – сказал Лютый, запуская кружку с чифирем по кругу, – а то ему еще две Пасхи, зону тапочками шлифовать....

– Перед тем, как Серый на волю свалит, я хочу слово ему сказать напутственное....

– Говори Шаман, твое слово дорогого стоит, – загомонили зеки.

– Бродяги, сегодня, от нас по звонку Лютый отваливает.... Правильно сидел – по-нашему, по человечачьи и по понятиям.... Пальцы веером не топорщил, и с мусорами дружбу не водил.... Восемь пасок на бараке принял и косяков не порол. Вполне достойный арестант. Хочу пожелать ему фарты, и большую кучу бабла.... Пусть у тебя Серега, душа и тело за все эти годы оттопырятся. На зону больше не попадай. Не твое это.... А теперь давай – банкуй!

Сергей взял кружку, и повторно налив в нее арестантский напиток, запустил его на круг.

Зеки пили не спеша, каждый делая по паре небольших глотков, которые назывались «хапками». Шаман достал, из тумбочки небольшую икону, которую писал самобытный, лагерный «богомаз», и протянул её Лютому.

– Держи бродяга! От всей души каторжанской, дарю тебе на память икону святую. Как будет тебе на сердце тоскливо, глянь в глаза Богу и проси то, чего твоя душа желает! Икона эта святая – ибо в неволе страдальцем писана.

Сергей взял икону и, поцеловав её, в знак благодарности, пожал вору руку.

– Спасибо Саныч, век не забуду! Как будет у меня дом, в угол повешу, – сказал Сергей, и положил икону в свою сумку.

В этот момент шнырь сидящий у окна на атасе, завопил, оповещая барак о шухере:

– Атас! Менты, на барак!

Блатные, несмотря на предупреждение, даже не шелохнулись. Вертухаев они не боялись, а если и были, какие конфликты по режиму, то Шаман, как вор в законе, дипломатически умел наладить контакт с любым представителем администрации колонии. Кому-то хватало человеческих слов, Кому-то маклерской безделушки, а кому и стодолларовой банкноты.

Сегодня был день особенный – день освобождения Лютого, и ни одна сила не могла нарушить традиционного арестантского чаепития.

– За тобой, – сказал Шаман, пригубив чифирь.

Прапорщик – контролер в народе вертухай, появился между «шконками», заглядывая в проходы. Он не спеша рассмотрел присутствующих и, ехидно улыбаясь, обратился к Шаману:

– Так господа арестанты, что за «сходняк» такой? – Картишки «шпилим», или по шлангам «герасима» гоняем? Шаман, а почему у тебя на бараке урки курят? Ты, же за смотрящий барак, или нет?

– Стар я стал Михеич, чтобы за шпаной да лагерными гопниками зеньки пялить.... Может, кто на параше и курил, да сквозняком натянуло. А у нас как на больничке все стерильно....

Прапорщик резиновой дубинкой тронул Чалого по плечу и спросил:

– А что тут делают лица блатной масти из другого отряда? Что Чалому тут надо? Он что в ШИЗО захотел? Это Чалый, косяк! Косяк!

– Слушай, начальник, ты в натуре порожняк гонишь! Ты же знаешь, на бараке никто не курит, в «пулемет не шпилят», да и с марафетом у нас полный голяк. Это же не Лас-Вегас! Чалый на отвал пришел по «зеленому коридору», ему сам ДПНК локалку открыл.... Лютый матрац ему свой обещал, да тумбась с макулатурой....

– Смотри, Шаман, мне порядок на бараке нужен, – сказал контролер.

Прапорщик приподнял подушки, заглянул для проформы в тумбочки, делая вид, что шмонает.

– Да, что ты ищешь Михей? – спросил Шаман, – Лютый поляну накрыл. На волю сваливает....

– Так, Лютый, уже освобождается! А тебе Шаман, еще лет шесть зону тапочками топтать.

– А то...., – ответил Сергей, – я восемь пасок Михеич, как с куста принял! От звонка до звонка....

– Ну, тогда прими мои поздравления, – ответил контролер. – Ты Лютый, теперь человек вольный.... Давай – заканчивай чифирить, хватай свои баулы, и дуй в спец-часть, тебя Антоныч, целый час уже ждет с «волчьим билетом»....

С дальних отрядов до вахты было метров двести. Сергей, хапнув напоследок, крепкого чая, попрощался с арестантами, и, схватив, «секретер» с письмами, пошитый из отходов брезента на пром-зоне, погнал по «центряку», словно на пружинах.

Холодный октябрьский ветерок неприятно дул с Севера. Судя по его направлению, к вечеру должен был повалить снег, и накрыть Туруханск белым покрывалом. Зима в эти края приходила рано. Но этот год был каким-то аномальным. Сентябрь, вопреки всех прогнозов, простоял сухой и теплый. Немногие старожилы помнили о подобных сюрпризах матушки – природы. Лютому казалось, что даже суровая северная природа, и та радуется его освобождению.

До внутренней вахты оставались считанные метры. В этот миг его сердце в предчувствии свободы хотело, уже было вырваться из груди. Восемь лет он ждал этого дня и, наконец-то дождался. Всего несколько шагов и он окажется по ту сторону забора. И больше ни кто и никогда не назовет его словом «осужденный».

ДПНК – дежурный помощник начальника караула колонии, встретил его ехидной улыбкой.

За двадцать лет службы на зоне, майор по кличке «булкотряс», настолько преуспел в уголовном «фольклоре», что даже матерые урки не рисковали с ним базарить на «фене», предпочитая не злить начальника.

– Ну, что, осужденный Лютый, на свободу, с чистой совестью? – спросил он.

– Короче можно, – спросил Лютый. – Я, между прочим, с сегодняшнего дня Сергей Сергеевич Лютый, а не осужденный тринадцатого отряда!

– Ты, Лютый, пока еще урка! Вот, когда я эту карточку из картотеки переложу в ячейку «Освобожденные», тогда ты и станешь Сергеем Сергеевичем.... А пока еще давай – руки в гору! Шмонать буду!

Майор присел на корточки. Его руки скользнули по робе снизу вверх. Толстые пальцы «пупкаря» шевелились, ощупывая каждый шов. Чувство омерзения мгновенно наполнило душу, вытесняя радость освобождения.

По зоне ходили слухи, что майор «булкотряс», которого зеки прозвали за широкий зад, любил на своем дежурстве посещать помещение для свиданок. Ни одной, прибывшей в лагерь на свидание жены, авторитетного каторжанина, не суждено было миновать домогательств майора, который любил рыться не только в сумках в поисках всякого «запрета».

– Я тебе майор, сочувствую! – сказал Лютый, – видишь, я отсидел восемь лет и поехал домой.... А ты, Владимирович, словно конь колхозный, до самой пенсии будешь зону охранять. Ты же сам себя приговорил к пожизненному сроку – сказал Сергей. – Давай, открывай, калитку, я на волю хочу....

– Лютый, Лютый – мать твою! Кум нам говорил, что ты на Кавказе когда-то служил – в разведке вроде.... У тебя, наверное, и награды есть, и достоинство офицерское должно быть?

– Есть – ответил Лютый, – да не про вашу честь!

– Чего ты с блатными связался? Чего ты тогда чифиришь, с блатными?

– Лучше майор чифирить, с блатными, чем принимать сауну с нетрадиционалами, – ответил Сергей. – Давай, открывай калитку, я на волю хочу.

Звук электрического замка, словно элекроспуск пулемета, кольнул сердце бывшего десантника. На мгновение Сергей остановился. Он оглянулся. Последний раз он посмотрел сквозь решетку в сторону жилой зоны, где прошли его годы. А теперь он уходил – уходил на свободу. Все случилось банально просто. Солдат на вахте просто открыл ему дверь, и Сергей не заметил, как оказался по ту сторону высокого забора опутанного колючей проволокой. Сердце почему-то не выпрыгнуло из груди, да и целовать землю, как-то сразу расхотелось.

Получив на складе вещи, он переоделся, и, спалив в бочке хозяйскую робу, направился по дороге в сторону поселка.

Дверь первого попавшего магазина широко распахнулась. Сергей вошел с магазином и открыл от удивления рот. Полки с цветными коробками и пакетами приятно радовали глаз. Всё, что он сейчас хотел – это выпить хорошего пива, чтобы отвести душу. Все годы в лагере, пиво снилось ему по ночам, доводя организм до настоящего психоза.

Изобилие товара в магазине за время пребывания в колонии многократно увеличилось. Теперь, когда перед глазами стояли полки полные пивных бутылок и банок, Лютый, даже не мог сообразить, что именно ему хочется.

– Мадам! – обратился он к пышной крашеной блондинке. – Пива хочу.... Не соблаговолите подсказать мне, чем я могу утолить жажду?

Пышногрудая дамочка лет сорока улыбнулась. Тридцать два золотых зуба блеснули в её рту, словно колымская золотоносная жила. Осмотрев покупателя с головы до ног, она с долей ехидства выдала:

– Водки лучше выпей каторжанин! Ваш брат, как из зоны на волю вырывается, так сразу водку кушает! А ты вдруг пива захотел.... Малохольный что ли? Видно из интеллигентов будешь!?

– Мадам, как вы раскусили, что каторжанин.... Разве на моем челе написано, что у меня в кармане «волчий билет»?

– Ты, браток, рожу свою в зеркало видел? – ответила спокойно продавщица. – Вашего брата за версту видно.... Да и по запаху – не ошибешься. Шмотье лет пять на складе хранились. От тебя, как от колхозного мешка мышами воняет и плесенью....

Сергей втянул в себя воздух и почувствовал тот запах, который ни с чем нельзя спутать. Продавщица была права, так могут пахнуть тряпки, пролежавшие на складе десятки лет.

– Пардон, мадам! Еще час назад я был за забором вашей местной достопримечательности.... Еще не успел напарфюмиться, чтобы обаять вас, безграничностью своей души....

– Ой, гляньте на него, обаятель нашелся.... Не ты первый, не ты последний! Наш поселок наполовину состоит из бывших зеков и из бывших сторожей, – сказала спокойно продавщица.

– А у вас есть что-нибудь, во что можно переодеться, – спросил Лютый, продолжая себя обнюхивать.

Продавщица ухмыльнулась, и, осмотрев Сергея своим профессиональным взглядом, выдала.

– Сорок восьмой размер – третий рост....

Через несколько минут на прилавке лежали купленные Лютым две пары трусов, носки, футболки. Туалетная вода BOSS, новый свитер, спортивный костюм и фирменные джинсы.

– Прошу, мадам, пардона – это все мне?

– Нет, папе римскому, – зло ответила продавщица. – Ты только из магазина выйдешь, так тебя менты сразу повяжут, а через сутки ты парень, вновь сядешь.... Так ты хоть на командировочного будешь похож, а не на лагерного урку....

Сергей, согласившись с доводами продавщицы, занял место в примерочной, и уже через пять минут вышел из неё абсолютно другим человеком. На нем все было новое, а тело благоухало мужским ароматом, перебивая остаточный запах складской плесени.

– Ну, и как, – спросил он, прохаживаясь по залу в дефиле.

– Сгодиться, – ответила блондинка без фанатичного энтузиазма.

Сергей сделал задумчивую физиономию и, оценив в уме свои финансовые возможности, сказал:

– Приговор, пожалуйста!

Продавщица защелкала клавишами на кассовом аппарате и выдала.

– С вас семь тысяч, двенадцать рублей, – сказала женщина. – Это все, что ли? А водочку не будешь пить? – с язвой в голосе спросила продавщица.

К любителям выпить у неё был свой интерес. Каждый, кто оказывался в её руках, уже к вечеру оставался без денег, а, прокутив все на месте, тут же возвращался на зону, уже с новым сроком, где долгие годы потом вспоминал о проведенных на свободе часах.

Сергей наклонился к ней, и пристально глядя, на подошедшего к кассе охранника, бархатным баритональным дискантом произнес:

– Понимаешь, у меня мать, от водки диарея! Нельзя мне пить! Я как выпью у меня каловое недержание, а мне еще лететь надо к маме....

Продавщица хихикнула и, отсчитав сдачу, подала покупателю.

Сергей, сложив свои тряпки в сумку, вышел на улицу. Он даже не представлял себе этого посёлка, в котором ему довелось отсидеть восемь лет. Двухэтажные деревянные бараки не впечатляли своими архитектурными изысками, а напоминали скорее времена советов, чем начало двадцать первого века. С тех пор, как здесь последний раз отбывал наказание Иосиф Сталин, ничего не изменилось, за исключением того, что теперь на улицах можно было вместо конных подвод встретить дорогие иномарки. Пройдя метров сто по главной улице, Сергей остановил такси. Открыв двери, он уселся на сиденье и, положив сумку себе на колени, сказал:

– Давай брат, в аэропорт....

– Нам татарам, что в аэропорт, что на космодром равнобедренно, – ответил таксист – Триста «рябчиков», и я домчу тебя со скоростью летящей пули.

– Не надо мне со скоростью пули, езжай аккуратно и до безобразия бережно.... Я не для того восемь пасок на вашей зоне отбарабанил, чтобы тут погибнуть, попав под трелевочный трактор.

– Ух, ты! Восемь пасок, – переспросил таксист, почесывая затылок.

– Вот так вот, – ответил Сергей. – Курить у тебя можно?

– А курить – кури! Я тоже курю – будь оно не ладно.... Раз десять бросал, но как выпью, сразу меня на курёху тянет.

Километра через три, показалось здание аэровокзала. Деревянный двухэтажный дом, оббитый почерневшими досками, скорее напоминал лагерьный барак, чем здание местного аэропорта. Только синяя птичка «Аэрофлот», вырезанная из листа железа, еще в эпоху Леонида Брежнева, напоминала о том, что это и есть аэровокзал.

Достав деньги, Сергей отсчитал триста рублей, и хотел было передать их водителю, как его глаз коснулся припаркованного «Порш Кайен».

– Тачки шеф, у вас нехилые катаются, – сказал он таксисту, кивая на «Порш».

– Директор прииска.... Ермаков Иван Егорович приехал. Видно дочку к самолету привез.

– А, что и прииск у вас есть?

– Да, и прииск имеется – «Удачливый» называется.... Километров двести вверх по Тунгуске.

– А туда на работу устроиться можно, – спросил Сергей.

– Судимых – не берут. Хотя можно к Росомахе, в артель устроиться. Они недомывки и отвалы приисковые перебивают. Туда всех берут и судимых, и пьяниц, и всяких кривых и хромых.

– А платят хоть хорошо, – спросил Сергей.

– Как работаешь, так и платят! Если не пьешь, то на жизнь хватит, ну, а если любишь зеленого змея за хвост потаскать, то один хрен все пропьешь, – сказал таксист. – Там Росомаха правит балом. Его вотчина....

– А Росомаха это кто?

– Росомаха – это местный князь тайги. У него все схвачено: И лес, и рыба, и пушнина, и золото. Жадный очень до денег. У него охранная фирма, так там вся братва местная, оружием обеспечена не хуже армии.

В этот миг «Порш», покинула интересная девушка лет двадцати. Она достала большую спортивную сумку, и, накинув её на плечо, вальяжно направилась в здание аэровокзала.

– О, а вот и Вика- чика-дрика, дочка нашего директора прииска – красивая девка, черт побери.... В Красноярске в университет поступила. На втором курсе учится. Участвовала в конкурсе – «Мисс Сибирь». Её папаша души в ней не чает....

– Не замужем?

– Да где там, еще молодая.... Принца на белом коне, наверное, ждет, – сказал таксист. – Она же богатая, а богатые они очень привередливые и до маразма строптивые.

– Ага, и плачут тоже....

Лютый, рассчитался и вышел из машины. Попрощавшись с водителем, он направился следом за девушкой в здание аэровокзала. Только он поравнялся с внедорожником, из него выскочил солидный мужчина зрелого возраста. Он в нервах хлопнул дверкой и направился следом за дочкой. Достав телефонный аппарат, и Сергей услышал, как он говорит с кем-то о погоде. Его что-то накручивало. Обогнав Лютого, он, прибавляя ход, посеменил за дочкой.

Сергей вошел в здание аэровокзала и первым делом направился к кассе, встав за спиной девушки. Девчонка, нацепив на уши наушники плеера, закрыв глаза, пристроилась перед кассой, и, отбивая ногой ритм, принялась слегка шевелить бедрами, словно пританцовывать.

– Поехали домой, – сказал отец, трогая её за руку. – Мне позвонили – идет циклон.... С минуты на минуту снег будет такой, что завалит тут все к чертовой матери....

Девушка сняла наушники и запела:

– Там за облаками, там за облаками, там-там-там-там-там-тарам! Там папа, сияет солнце, и нет никакого снега! Папа, я через два часа буду в Красноярске – какой нафиг, циклон? Я тебе позвоню, если тебя не засыплет.... Все будет хорошо. Я тебе обещаю. Я больше не могу сидеть в этой дыре. У меня третий курс, я же не могу сидеть дома до самого диплома....

– Улетишь! Циклон пройдет и улетишь! У меня дочка, нехорошее предчувствие.... Боюсь я, – сказал папаша, и, достав платок, вытер накатившую слезу.

Сергей стоял рядом и все слышал, о чем отец с дочерью говорили между собой. Его не напрягал ни снег, ни дождь, ничего кроме легкого чувства голода и желания поскорее сесть в самолет и забыться, выкинув все из памяти, что было последние восемь лет. Он просто хотел домой. Хотел увидеть маму, которая ждала его в Калининграде. Хотел на Куршскую косу, чтобы посидеть в затоне с удочкой, как когда-то он шел с отцом, на берегу Преголя. Все эти годы она писала ему в зону теплые письма, и каждые три месяца присылала посылки, которые поддерживали его. Вспомнив о маме, Лютый меланхолично взгрустнул, и он совсем не заметил, как оказался перед окошком кассы.

– Куда летим, – спросила, кассирша, мило улыбаясь.

– Мне транзитный: Туруханск, – Красноярск – Калининград, – сказал Сергей, и подал справку об освобождении. Девушка защелкала по клавиатуре и после недолгой паузы сказала:

– На Калининград билетов нет. Могу дать Красноярск – Санкт-Петербург.

От слова Санкт-Петербург у Сергея закружилась голова. Боже, побывать в Питере, когда у тебя в кармане больше полумиллиона рублей, это было настоящее приключение.

– Меня устраивает, – сказал он кассирше, и протянул деньги.

Кассирша, вновь застучала по клавишам, и через мгновение он услышал, как зажужжал принтер и распечатанный билет показался из аппарата. За последние восемь лет его изоляции от общества, общество настолько продвинулось в технологиях, что у Лютого захватывало дух, и он подумал, что попал не в ту страну.

– Рейс У – 744 авиакомпании «Турухан» до Красноярска с перерегистрацией по месту прилета. Двадцать восемь тысяч девятьсот двадцать рублей сказала кассирша и подала Сергею сдачу и билет на самолет. – Регистрация в четырнадцать часов по местному времени.

«Боже вот это прогресс» – подумал Сергей, и почесал затылок.

Здание аэровокзала представляло собой двухэтажный бревенчатый дом, обшитый почерневшими от времени досками. На фасаде красовалась эмблема «курицы» и надпись «Аэро-флот».

Широкое крыльцо указывало на публичность и популярность данного заведения. На нескольких пластиковых креслах да дощатых скамейках сидели пассажиры, ожидая регистрацию на рейс. В углу просторного помещения на больших вещевых мешках, скинутых под лестницу, ведущую на второй этаж, расположились охотники или рыболовы, которые облюбовали эти края в поисках золотого тайменя. Они азартно резались в карты, не обращая никакого внимания на входящую в помещение публику. Охотничьи лайки спали тут же под лавками.

Лютый, удовлетворенный складывающимися обстоятельствами сам себе улыбнулся, увидев свое отражение в стекле. Он огляделся, и его взгляд уперся в «Буфет». Вспомнив о том, что до Красноярска придется лететь голодным, он подошел к прилавку.

Свобода впервые так опьяняла и он не находил себе места. Сейчас ему хотелось скорее добраться до большой земли, чтобы там пересечь на самолет и улететь в свой родной Калининград, где прошли его детские и юношеские годы. Там в старинном немецком городе по улице Гагарина жила мама. Все это время она ждала его и ежедневно молилась о его скором возвращении. Каждую неделю он писал, матери теплые письма и два три раза в неделю получал от неё ответы. А вот долгожданных писем от бывшей жены Ленки, он дожидаться не мог. Стоило ему попасть под следствие, как она «вильнула хвостом», и тут же подала на развод.

Мать всегда остается матерью. Только материнская любовь да её шерстяные изделия, которые она вязала собственными руками, долгие месяцы согревали Сергея в лютые сибирские морозы. Мама – вот это тот человек, который был в этом мире единственным и родным. Сергей знал, что мать никогда не бросит и, не забудет своего сына, очутившегося там, где когда-то Иосиф Сталин, коротал свои дни в царской ссылке.

Буфет аэропорта манил к себе запахами «деликатесов» местной национальной кухни. Подогреваясь тут же в микроволновой печи из полуфабрикатов, они расползались по чужим желудкам, пополняя кассу местного «буфетного олигарха». Ожидая самолет, Лютый, ощутил легкий голод, который давал о себе знать. Ведь с самого утра он ничего не ел кроме выпитого чифира, который на время притупил чувство голода.

В голове проскользнула крылатая фраза, вырванная из памяти, – «а в тюрьме сейчас макароны дают». Желудок слегка заурчал, давая понять, что пришла пора кинуть в него что-то съедобное. За сутки до освобождения Сергей, кроме чая и хлеба ничего не ел. Он старался освободить желудок от перловой каши, чтобы выйдя на волю, и испытать радость от вкушения кулинарных изысков местной национальной кухни. Все эти годы, он грезил жареной картошкой с грибами, и простым деревенским салом с русской горчицей. Он мечтал о хорошей свиной отбивной, о жареной курочке, о бутылочке грузинского вина, которое могло наполнить его кровь энергией жизни и силой.

Вспоминая лагерь, он останавливался на том, что там за колючей проволокой хорошая пища, приходила к нему только во сне. Правда временами ему благоволила удача, и даже в зоне выпадала возможность покушать картошки с жареным тайменем, или нельмой, которыми его подкармливал один из контролеров, с которым он водил деловые гешефты. В отличие от многих арестантов, Лютый, чужими припасами не жил. Его тумбочка была всегда наполнена не только сигаретами, но и продуктами питания и чаем, которые он зарабатывал, изготавливая в пром. зоне, пользующийся спросом ширпотреб.

Туруханский общепит изысканным ассортиментом не баловал. Да и времени на трапезу почти не оставалось. АН – 24, который должен был лететь в Красноярск, пыхтел на летном поле, прогревая моторы. Подойдя к прилавку буфета, Сергей увидел милое лицо королевы Сибири и Дальнего востока. Местная эвенкийка, удивительно обворожительной внешности улыбалась Лютому, обнажив жемчуг зубов.

– Вау, фея! Это откуда ты, такая здесь взялась, – спросил он, включая на полную мощь свое спящее обаяние.

– Что вы, хотите, – спросила девушка с раскосыми глазами и кнопочкой вместо носа.

– Хочу кушать, – сказал Сергей, – будьте любезны, дайте мне рыбный пирог с тайменем и кофе: три в одном.

Девушка мило улыбнулась, и, сложив все на тарелку, поставила продукты в микроволновку.

– Скажи мне дочь Солнца и Луны, откуда ты, такая появилась в этих краях? Разве твое место не на троне рядом с королем Сибири и Дальнего востока?

Девушка улыбнулась, и налив в пластиковый стакан кипяток, высыпала в него пакетик «Капучино».

– Я местная, – сказала она, и подала стакан Сергею. – Живу я здесь с рождения....

– Полетели со мной! Я познакомлю тебя со своей мамой.... Скажу, что ты моя невеста, – сказал Сергей, чувствуя, как в его душе запорхали бабочки.

– Елена, – ответила девушка. Она открыла микроволновую печь и достала рыбный пирог, который был местным брэндом.

– Эх, жаль, лучше бы тебя звали Ольга или Светлана, – сказал Лютый, принимая из рук продавщицы заказ.

– Почему, – переспросила девушка, поправляя челку.

– Потому, что у меня когда-то уже была жена по имени Елена.... Не успел я попасть в тюрьму, она бросила меня на произвол судьбы. Не прошла проверку!

– Дело не в имени – дело в человеке.... Она никогда не любила тебя, – сказала девушка улыбаясь. – Я бы дождалась, дождалась даже из тюрьмы!

– Жаль, что мы не познакомились раньше, – сказал Сергей, и присел за столик.

Девчонка улыбнулась, и слегка покрывшись румянцем, исчезла в подсобке.

«Хорошенькая какая», – сказал сам себе Лютый, ощущая, как внутри него расцветает цветок какой-то страсти и желания женской плоти. В голову полезли странные мысли, но он, откусив пирог, мгновенно забыл о том, что кроме тунгусского тайменя здесь есть еще красавицы достойные диадемы принцессы или даже королевы.

Краем глаза Сергей увидел, что девчонка, смотрит на него из-за шторы и, общаясь по телефону, мило улыбается.

«Черт, зацепила», – подумал Лютый. – «с первого взгляда убила на повал»!

Девушка вышла из подсобки, и подошла к столу, чтобы прибрать. Сергей не удержался. Он схватил её за руку и, взглянул глазами, которые невозможно было пропустить мимо. Он ожидал, что она отдернет руку, обидится и даже убежит за прилавок. Но девушка улыбнулась. Она положила ему свою ладонь на руку и, тихо сказала:

– Если хочешь, оставайся....

Её слова, словно обожгли Лютого. С одной стороны она была настолько мила, что был бы это другой случай, и он остался бы с этой девчонкой на всю жизнь. Но с другой стороны, он вспомнил о матери. В какой-то миг раскосые глаза принцессы Сибири ушли на задний план, и он глубоко вздохнув, сказал:

– Прости! Не могу я остаться.... Я бы позвонил тебе, но у меня нет телефона.... Без паспорта мне не продают СИМ карту....

– Звонить мне будешь, – спросила она, улыбаясь. – Я дам тебе телефон....

По случайности Сергей был единственным покупателем этого жалкого заведения. Никто не напирал, и не вмешивался в разговор, отвлекая его от приватной беседы. Лютый пил кофе, а глазами осматривая окружающую обстановку.

Его внимание привлекли странные люди в черной форме. Один из них сидел на черном ящике, который был закрыт на замок. Со стороны Сергей увидел, что ящик опечатан сургучной печатью. Нечто подобное он видел во время службы в армии. Подобные ящики с документами или боеприпасами также опечатывались пластилиновыми печатями. Вокруг охранника по-хозяйски суеился старший. Автомат АКСУ – висел у него на его плече. Когда он нагибался, «калаш», каждый раз сваливался, что нервировало охранника. Он поправлял автомат, и что-то говорил своему напарнику, который сидел рядом в кресле, вытянув ноги. Другой наливал из термоса горячий чай, доставал из пакета бутерброды с докторской колбасой и подавал сослуживцам.

– Дочь Луны и Солнца, а это кто? Может они хотят самолет взорвать или взять заложников? – спросил Лютый девчонку, которая с умилением наблюдала из-за прилавка.

– Нет, это охранный фирма «Контур».... По контракту они с приисков золото в Красноярский «Госхран» везут. Каждую неделю туда-сюда летают. А вон та девушка, что стоит у окна — это дочка нашего директора прииска, – сказала продавщица, и кивком головы указала на капризную пассажирку, которая вызвала в душе Сергея столько противоречивых эмоций.

– Я уже в курсе, – сказал он, и глубоко вздохнул?

– Говорят, она в институт поступила.... Люди говорят что, за пять килограмм золота! – сказала продавщица и от зависти тоже глубоко вздохнула.- Живут же люди!

– То-то я смотрю в ваших краях у всех золотые зубы! Все, наверное, на прииске работают да наворовали себе. А папочка её никак не может воров поймать! – сказал Сергей, и засмеялся.

– Не-а! Воровать, однако, не надо! Иди сам мой сколько душе угодно, только, однако, лицензия нужна.... Некоторые, кто из лагеря освободился, за одно лето много намывают. Правда, на материк не все долетают. Многих, однако, в тайге медведь давит, а некоторых и росомаха, – сказала продавщица и осеклась на последнем слове.

Лютый задумался, и, покумекав головой спросил.

– Солнце моё, а что лицензии всем выдают? Может мне с тобой тут остаться, да по золотишку удариться? «Капусты нарубим» на дорожку, да потом машину себе иностранную купим?

– Однако лицензии администрация дает. А денег ты, все равно не заработаешь. Росомаха все заберет. Росомаха банда имеет, и всех старателей знает, они все под его крышей, однако, сидят, – сказала продавщица, озираясь по сторонам.

– А что милиция, порядок навести, не может? – спросил Лютый, наивно полагая, что здесь в этих местах нет коррупции.

– Нет, милиция сама, однако, Росомаха боится! Росомаха автоматы имеет, джип имеет, лодка с мотором имеет! Никого Росомаха не боится! – сказала девушка.

– Нет, тогда не надо! Я лучше домой полечу, может, там нет никаких Росомах?

«Мне в Чечне и в лагере надоели всякие Росомахи!» – подумал Лютый, отпивая горячий кофе.

– Да, надо домой лететь, оставаться не надо! Росомаха очень плохой человек! Росомаха золото любит, потом наркотик покупает, кому на зону передает, а кому тут продает! За золото

все купить можно! – сказала продавщица вкрадчиво, будто раскрывала перед незнакомцем государственную тайну.

Где-то над головой протарахтел динамик местного диспетчера. Женский голос объявил, что начинается регистрация и посадка на рейс по маршруту Туруханск – Красноярск. Таежный люд, ожидавший самолета, загудел, засуетился и стал собираться к выходу, слегка толкая друг друга локтями. Собаки, лежавшие в ожидании, вскочили следом за своими хозяевами. От нетерпения они закрутились, жалобно завизжали, предчувствуя полет и возвращение домой.

– Ты телефон хотел купить, – спросила девушка. – Там в зале ларек есть. Там себе телефон купишь.

Сергей прошел по залу и увидел небольшой магазинчик, торгующий разным товаром. Он подошел к витрине, и, выбрав телефон, попросил продавщицу подать. Продавщица подала телефон, но продать СИМ карту отказалась, ссылаясь на должностные инструкции.

Вернувшись в кафе, он подошел к Елене и сказал:

– Леночка, выручай! У тебя же есть паспорт?

– Есть – а что?

– СИМку мне не продают. Говорят, по справке не положено. Вот деньги – сможешь купить мне карту? Маме позвонить хочу!

– Подожди тут, – сказала девушка.

Сердце Сергея, рвалось из груди. Отсутствие паспорта делало его получеловеком не способным на простые человеческие радости. Зал опустел. Пассажиры, пройдя регистрацию, уже двинулись к самолету, а Сергей стоял возле прилавка, и нервно переминаясь с ноги на ногу.

– На, вот — держи, – сказала продавщица, и сунула ему в руки конверт. СИМ карта заряжена и через два часа активируется. Я написала тебе свой телефон на конверте.... Позвонишь мне, как прилетишь, – сказала девушка. – А ты красавчик! Ты мне очень нравишься!

Улыбнувшись, чмокнула Сергея в щеку.

– Позвоню....

Он даже не заметил, как дочка директора прииска обернулась. Последняя сцена прощания Лютого с продавщицей, словно фотокарточка застыла в её памяти. Что это было, она так и не поняла, но этот момент поцелуя почему-то врезался в её память, словно картина висящая на стене.

– Я позвоню, – крикнул напоследок Сергей.

Лютый, прошел в помещение предполетного контроля. Регистрация на рейс У – 744 уже заканчивалась. Покидать здание аэровокзала не было желания. На улице было по-зимнему прохладно и зябко. Здесь было тепло и даже хотелось спать. Последним из пассажиров он пересек линию контроля.

Сергей знал, что такое самолет АН-24, не отличался комфортом. Это был простой автобус с крыльями с плохой звукоизоляцией и не уютным салоном. Он предчувствовал, что два с половиной часа полета до пересадки ему придется мерзнуть в этом аэроплане. С завистью Лютый, смотрел на охотников, охранников и других пассажиров у которых на ногах была теплая зимняя обувь. Замерзнуть в унтах было невозможно, а покупать себе сапоги на меху ради одного полета было верхом расточительства.

В числе последних, Сергей, вошел в самолет. Народ уже расселся по местам, устраиваясь, как можно удобнее. Его кресло было находилось почти в самом конце самолета по соседству с дочкой директора прииска.

Расположившись рядом с юной путешественницей, Лютый снял пуховик, и положил его на полку.

Соседка по месту Виктория Ермакова, лишь один раз взглянула на него и, закрыв глаза, отдалась во власть бурчащего плеера. С начала полета она еще немного дергалась в такт музыки, но после взлета она положила голову на плечо Сергея и засопела.

Старенький повидавший виды АН-24 компании «Турухан» загудел и слегка задрожал. Пристегнув ремень, Сергей, как и его соседка, закрыл глаза, и в дреме погрузился в осмысление тех событий, которые привели его на этот рейс.

Глава вторая

Шали

Гул мотора самолета, наваял приятные воспоминания почти десятилетней давности. Вспомнив этот этап жизни, Сергей почувствовал, как на его закрытые глаза, налились слезами, а к горлу подкатил комок горечи, упущенных возможностей и самореализаций.

Он вспомнил, как он, еще молодой лейтенант выпускник Рязанского воздушно-десантного училища, попадает в самое пекло кавказских событий. В ту секунду его голов, переключился информационный канал, и перед глазами возникла картинка тех далеких лет.

И вот уже его первый вертолет МИ-8, с подшитыми снизу кусками брони. На первом этапе войны, они еще могли гарантировать жизнь при попадании пуль от лёгкого стрелкового оружия, но к концу известных событий все банды сепаратистов и религиозных радикалов уже имели на своем вооружении не только комплексы «Стрела», но даже американские «Стингеры». Все это вооружение доставлялось тайными тропами из Грузии через Аргунское ущелье.

Именно тогда, за год до конца КТО, Лютый впервые вылетел на боевое задание в составе своего разведывательного взвода. Из всей команды десантников, лейтенант был самым «молодым». Даже рядовые и сержанты, которые прослужили в этих нелегких условиях Контр террористической операции, имели за своими плечами огромный боевой опыт, несравнимый с опытом молодого лейтенанта с позывным «Лютик».

Всего неделю назад он прибыл в Шали, в десантно–штурмовую бригаду в разведывательную роту. Он совершенно не знал и даже не представлял тех правил «игры», которые были здесь — на Кавказе. Здесь не было единой линии фронта, это была дикая «партизанщина», которая, уносила многие жизни русских ребят.

Командир десантной роты капитан Рыбаков, встретил лейтенанта в составе прибывшего пополнения.

– Товарищ капитан, выпускник рязанского училища ВДВ лейтенант Лютый, прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы на должности командира разведывательного взвода.

Рассмотрев прибывшего «новобранца», с головы до ног, капитан вытер испарину на лбу и сказал:

– Ну, слава Богу! Лейтенант Лютый, вы прибыли в ограниченный контингент российских войск в Чечне, который находится здесь для становления конституционного строя. Здесь с 1996 года идет кровопролитная война. Все знания, которые вы получили ранее в военном училище, вам, придется забыть и всё обучение начать заново. Здесь рядовой десантник, прослуживший более полугода, станет для вас, преподавателем кафедры военного искусства. Сержант научит вас выживать. Выживать без еды, воды и секса. Выживать под солнцем Кавказа, и, под пулями бандитов и наемников. У меня, как у вашего нового командира нет желания возвращать вас домой грузом «двести». Прошу вас, пройти ко мне в командирский кунг, – сказал капитан и, очистив берцы от глины, поднялся по стремянке.

Сергей вошел за капитаном следом, и его взору тут же предстала настоящая фронтовая жизнь, о которой он мечтал и грезил в молодости еще в школе. Заправленная солдатская кровать, автомат, висящий на стене, откидной стол, на котором расположился офицерский планшет, бинокль и радиостанция, всё это создавало неповторимый военный антураж.

– Продовольственный и денежный аттестаты сдадите старшине. Он поставит вас, на довольствие, – сказал капитан, присев на кровать. – А теперь слушай меня, сынок. Ты что вырядился, как в Кремль для получения награды? У тебя что, полевой формы нет?

– Так точно, товарищ капитан! Я только из училища, и не имел возможности получить форму.

– Так, переодеться немедленно....

Капитан взял со стола рацию и, нажав гарнитуру, сказал:

– Юстас Алексу – Саныч, ты где?

– Я, товарищ капитан, на складе артвооружения. Тут москвичи пожаловали, БК считают.... Говорят, у нас по «Мухам» перерасход и еще два АГСы вообще не хватает.... Что мне делать?

– Давай заканчивай там.... По всем вопросам отправляй к командиру бригады, и давай срочно зайди в штаб.... У нас тут пополнение вместо убитого по ранению лейтенанта Извольского. В третий взвод новый командир прибыл, нужно переодеть и вооружить, как подобает настоящему воину.

– Слушаюсь, – ответил старшина, – сейчас прибуду.

– Ну, что ты, Лютый, стоишь, как дневальный на тумбочке? Присядь, расскажи кто ты, и с чем тебя есть можно....

Сергей, рассмотрев табурет около стола, присел. Еще с училища он усвоил одну науку, если командир просит, то любую просьбу нужно воспринимать как приказ.

– Лютый, это откуда у тебя фамилия такая? Ну, не фамилия, а настоящий боевой позывной....

– А это, товарищ капитан, и есть позывной.

– Не понял? – сказал капитан, и его лицо мгновенно изменилось. – Что за хрень? У тебя в документах написано – Лютый Сергей Сергеевич.

– Так точно, товарищ капитан, Лютый Сергей Сергеевич. Это мое настоящее имя и фамилия. Только фамилия эта произошла от клички моего прапрадеда, который воевал тут на Кавказе еще в бытность самого Лермонтова. Это ему чеченцы такую кличку дали. Как говорил мне отец, сам генерал Ермолов еще в 1860 году указом великого князя Романова моего прадеда за храбрость приказал наречь именно этой фамилией – Лютый.

– О, да ты, лейтенант Лютый, оказывается потомственный казак, – сказал капитан и, сунув руку под кровать, достал из вещевого мешка солдатскую фляжку, – сто граммов будешь, ради такого дела?

– Я же.... – промямлил Лютый.

– Отставить жевать сопли.... Сегодня ты лейтенант, выходной, а на службу заступаешь завтра и еще неизвестно, доведется тебе выпить со мной или нет? Чай, пойдешь не начальником продовольственного склада, а командиром легендарного разведвзвода.

– Тогда, товарищ капитан, разрешите мне проставиться по случаю вступления в должность?

– Валяй, – ответил капитан и, спрятав фляжку обратно в вещевой мешок.

Сергей взял сумку и вытащил из нее бутылку коньяка «Трофейный», который приобрел для подобного мероприятия.

– О, да ты, лейтенант, не так уж прост. Еще, не успев побывать в бою, ты уже владеешь такими классными трофеями, что мне даже нравится твой подход к службе, – сказал капитан, рассматривая плоскую бутылку.

Сергей достал из сумки закуску и выложил все на стол. Открыв бутылку, он налил в пластиковые рюмки коньяк и подал капитану.

– Ну, давай, за твое прибытие, – сказал капитан.

В этот момент снаружи слышались шаги. Капитан хотел было спрятать рюмку с коньяком под кровать, но ручка двери предательски быстро стала опускаться вниз. Двери приоткрылись, и лицо прапорщика проникло внутрь. Он ноздрями втянул в себя воздух и лишь после этого сказал:

– Разрешите, товарищ капитан? Прапорщик Лукошкин по вашему приказанию....

– Ну, что ты, Саныч, двери открыл настежь? Ты еще крикни на весь гарнизон, что капитан Рыбаков с новым лейтенантом «Трофейный» коньяк пьет!

Прапорщик проскользнул внутрь кунга и, словно вор, тихо-тихо закрыл за собой дверь. По его бегающим глазам было видно, что он тоже мечтает снять с коньяка пробу и влиться в боевой офицерский коллектив.

– Ну, что ты, Саныч, высматриваешь? Что ты вынюхиваешь? Что не видишь, лейтенант Лютый проставляется по факту прибытия.... А ты уже тут – как-тут. Ну, у тебя, Саныч, и нюх! Да ты коньяк за версту чуеть! Вот лучше познакомься, лейтенант Лютый Сергей Сергеевич, выпускник рязанского училища ВДВ, прибыл к нам на должность командира разведвзвода.

Прапорщик протянул руку лейтенанту и представился:

– Прапорщик Лукошкин Сергей Александрович, в народе просто Саныч, старшина роты....

– Очень приятно, товарищ прапорщик, – сказал Сергей, пожимая прапорщику руку.

– Для вас, товарищ лейтенант, я просто Саныч, – ответил прапорщик.

– Саныч, ты присядь и не суетись.... Лучше колбаску, сырок нарежь, – сказал командир роты, – ты же у нас по хозяйству.

Прапорщик, достав ножик, ловко нашинковал колбаску и сыр и, обтерев дамасскую сталь газетой, спрятал его в ножны.

Сергея было трудно чем-то удивить. Сын потомственного военного он повидал на своем веку кучу всякого оружия, но такого ножа он еще не видел. Изумительной красоты узор дамасской стали не только радовал глаз, но и очаровывал качеством и другими свойствами, присущими настоящему боевому ножу.

– А можно, товарищ прапорщик, на ножик ваш глянуть? – спросил Сергей. – Уж больно зализательный он!

– Покажи ему нож, – сказал капитан.

Прапорщик вытащил из ножен клинок и подал его Сергею. Тот внимательно стал рассматривать мужскую игрушку, профессионально пробуя ногтем его идеальную заточку. Прапорщик улыбнулся и хвастливо сказал:

– Волос режет на лету. Можно вместо лезвий «Шик» бриться....

– Да, хороший нож, – сказал Сергей, не скрывая ребячьего восторга.

– Этим ножом «бармалей» Тимирбулатов по прозвищу «Тракторист» казнил, четырех наших парней.... Как баранам сука, он им головы отрезал. Казнь на видео снял — придурок, чтобы нас десантников напугать! А мы его взяли! Взяли как сурка – живым! Теперь будет пожизненно сидеть на «Черном дельфине» и каждый день ждать смерти, – сказал капитан Рыбаков.

– Ну, что, Сергей, давай за твою должность выпьем, что ли!?

Капитан, прапорщик и Сергей чокнулись и осушили посуду одним глотком.

– А коньячок-то, товарищ капитан, исключительный.... Мягко пьется и аромат, как в райском саде....

– Не в саде, а в саду – гурман, твою мать! Выпил, Саныч, теперь вали на склад и получи на лейтенанта новую форму и оружие.... А мы еще по одной примем. Если кто меня будет помогать, я ухал в штаб.

– Есть, товарищ капитан, в штаб. Разрешите идти?

– Да вали ты, Саныч! На обратном пути вернешься, заберешь лейтенанта Лютого. Покажешь ему место в офицерском «общежитии».

Прапорщик исчез. Капитан налил еще по рюмке коньяку и предложил Сергею продолжить «вступление» в должность.

Глава третья

Первый рейд

Лютый, приоткрыл глаза и, осмотрел летевшую публику. Кто-то дремал в ожидании конца полета, Кто-то читал книгу. Лайки лежали в проходе, не обращая ни на кого внимания. Девушка спала. Она склонила свою голову Сергею на плечо, и тихо сопела. Наушники её плеера съехали с головы и висели, издавая звуки похожие на пытку мартовского кота. Лютый, аккуратно просунул руку в карман к девчонке, и выключил мычащий «дебильник», как он называл плееры.

Охотники продолжали играть в карты, перегородив проход между кресел большим чемоданом. На таком рейсе стюардессы видно не полагалось. Время в полете было небольшим, и Сергей пока еще ни разу не увидел улыбающееся лицо «Аэрофлота», которое предлагает соки, воду и мятные конфеты, чтобы легче переносить полет.

Он достал из сумки купленную бутылку пива и открыл её. Постепенно теплый воздух заполнил лайнер, и он совсем забыл о своих опасениях. Тепло исходило отовсюду. Оно проникало под одежду и, уже через час в самолете стало невыносимо жарко. Расстегнув пуловер, Сергей аккуратно сложил его, и спрятал на верхнюю полку. Самолет монотонно жужжал. Сергей, допив пиво, закрыл глаза и, снова погрузился в пучину сна.

Его мысли вновь вернулись туда, где начались его кавказские приключения.

За плечами лейтенанта уже был целый год его пребывания командиром разведывательного взвода. Лютый, уже не чувствовал себя новичком в этой затянувшейся войне и его мысли все чаще и чаще возвращались к мысли об очередном отпуске. О теплом море и горячем песке пляжа. Но сейчас, перед его глазами маячило лицо рядового Никулина, которого призвали из тверской области. Солдат сидел напротив и, через гул мотора вертолета старался что-то рассказать старшему лейтенанту из своей гражданской жизни.

Он вспоминал: о деревню, любимую девушку, на которой он обязательно женится, если она его дождетя, о жирных карасях, которые живут в местном пруду.

В лице лейтенанта, Никулин почему-то не видел командира. Для него комвзвод был каким-то «священнослужителем», которому ему хотелось исповедаться в своих грехах. Лейтенант смотрел на связиста, и в грохоте вертолетного двигателя, мурлыкал себе под нос какую-то песню, крутившуюся в голове. Ему сейчас не было дела до связиста Никулина, ни до его карасей, ни до его невесты. Лютый, думал о своей жене, которая обещала ждать его из командировки. Последнее время, письма стали приходить от неё все реже и реже и, это начинало настораживать его.

Где-то внутренним чутьем он почувствовал, что с Ленкой, происходит, что-то неладное и непонятное. До конца командировки оставалось совсем немного времени — чуть больше месяца. Но дни, как назло тянулись, словно резиновые и, только боевая работа отвлекала его от личных переживаний. Впереди, виделся конец командировки и тот радостный момент, когда он в составе своего полка вернется в Черёху, на место постоянной дислокации.

Словно чукча в чуме, он мычал какую-то песню под нос себе, ничего не подозревая. Но в какой-то миг «вертушка» резко накренилась на левый борт. Плекс, разбитого автоматной очередью иллюминатора, посыпался в салон мелкими кусками. Звуков выстрелов не было слышно. Но эта барабанная дробь по обшивке машины, да появляющиеся дырки указывали на то, что вертолет находится в зоне боевого контакта. «Борт» шел между скалами по ущелью. По данным разведки, в этом районе радикалов быть не могло. По всей вероятности, это была

какая-то левая банда, промышлявшая разбоями и торговлей оружием. В этот миг лейтенанту показалось, что время, словно остановилось. Пули сверлили металл, подобно насекомым, и через эти дырки в борт врывались лучики света.

Получив порцию свинца, «борт» пошел на боевой разворот. Подставляя под огонь бандитов своё бронированное брюхо, он вышел из зоны обстрела и на какой-то миг завис, словно выбирал приоритетную цель. Сделав вираж, вертолет, громыхая четырехствольным крупнокалиберным ЯКБ – 12,7 броситься в драку. Лютый, собрал все силы в кулак и вцепился руками в трос, который шел через вертушку от хвоста до самой кабины. Застегнув карабин, он, болтаясь по борту, ринулся к пилотам. Добравшись, до кабины он почувствовал сильный удар в хвост. Борт затрясло, словно на огромном вибростенде. Через разбитый иллюминатор он краем глаза увидел, внизу на скалах расположились бандиты. Они прицельно «шмаляли» по борту из автоматов, стараясь подбить «вертушку». МИ-8 АМТШ, виляя из стороны в сторону, продолжал кружиться над горным плато, поливая бандитов из всех видов бортового вооружения.

Дагестанец, сержант, Тинов Алисултан, словно Рембо, стоял во весь рост, широко расставив ноги. Он крепко держал пулемет ПК на турели и жал на спусковой крючок, выдавливая из него сноп огня и разящего свинца. Боец стрелял до тех пор, пока в патронной коробке не кончились патроны. Пустая падающая лента и холостой спуск затвора пулемета возвестили о том, что патронов нет. Весь салон машины наполнился едким запахом сторевавшего пороха. По мере маневрирования «вертушки», стреляные гильзы катались по рифленому полу машины. Вдруг со стороны кабины пилотов через переборку посыпались рваные куски металла. Корпус боевой машины задрожал.

– Командир, работает «УТЕС»! Пилота зажмурило – орал, что есть мочи один из десантников, заглядывая в открывшуюся дверь кабины. – Падаем....

– Отделение, вспышка справа. Всем на брюхо, – истошно проорал лейтенант, разведчикам, зная, как рассыпается позвоночник при жесткой посадке.

Сергей в два прыжка запрыгнул в пилотскую. Борт, из-за отказа движка, то клевал носом, то наоборот задирает его, словно необъезженный жеребец, желающий сбросить своего наездника. Машина, уже должна была свалиться в крутой штопор, но майор, уверенно вывел борт из падения. Потянув рукоятку на себя, он укротил упертый норов боевой «вертушки», которая получила повреждение редуктора.

– Летёха, у меня второй двести! У нас отказал один движок, гидросистема в заднице! Буду сажать на ротаторе – держитесь крепче, – проорал пилот.

– Майор, тяни дорогой! Ну, еще метров триста по ущелью.... Уходи Ё! Уводи её из-под огня! Духи кругом на скалах. Это засада!

– Вижу не слепой, – прокричал майор.

Машина, на какой-то миг стабилизировалась, теряя высоту. Ему показалось, что это конец. Командир, сжимая зубы, продолжал работать, уводя «борт» от засады.

– Давай майор, тяни дальше! Тяни, дорогой, подальше от «бармалеев»! Они нас перебьют! Пацанов моих нужно спасать! Христом богом прошу – уводи свою «кофемолку»!!!

Натруженный рев единственного мотора врывался вместе с запахом горелого масла сквозь дыру в остеклении кабины. Вертушка, выровнялась, но из-за потери высоты скользнула брюхом по кустам, а после по высохшему руслу реки. Вода смягчила падение, и вертолет завалялся на правый борт. Лопасты, столкнувшись с землей, стали ломаться, заполняя пространство жутким треском и поднятой водяной пылью перемешанной с дымом машинного масла.

Вертолет замер. В какой-то миг стало тихо. Казалось, что все позади, и десантники постепенно стали приходить в себя. Но в этот самый миг «борт» стал наполняться белым дымом горящего масла.

Майор включил систему пожаротушения, и, открыв блистеры пилотского люка, он вывалился из машины в воду.

Лейтенант не растерялся. Он разрядил из подствольника в грузовые щитки, вывернув их наизнанку. Бойцы, толкая друг друга в причинные места, на карачках, стали вываливаться из «борта» скрываясь в дыму за растительностью и скалами. Вытащив тело мертвого пилота через аппарель, группа под прикрытием дымящейся машины, благополучно ушла с линии огня, укрывшись в складках местности.

– Слушай, командир, уходить надо, – сказал сержант, подхватывая раненого майора. – Бляха–муха! Духи нас из гранатометов накроют....

Вертолет вспыхнул. Огонь мгновенно охватил машину и, забурился в районе мотора, раскидывая магниевые искры. В клубах дыма разведывательная группа бросилась дальше по руслу реки, чтобы уйти от огневого контакта. Отбежав метров пятьдесят, разведчики заняли позицию, и, приготовив оружие, замерли, ожидая атаки. Дым от горевшего мотора закрыл обзор, и это спасло бойцов от обнаружения.

В метрах трехстах на краю плато появились ликующие «бармалеи». Вид упавшей вертушки будоражил их горячую кавказскую кровь. Словно на стрельбище они, стали добывать машину из гранатометов, пока одна из гранат не попала в бак керосином. Вертушка взорвалась и уже тогда полыхнула ярким факелом. В сотую долю секунды машину охватило пламя. Дым еще сильнее заволок в ущелье, скрывая от глаз бандитов потрепанную десантную группу.

Зализав раны и ушибы, десантники пришли в себя. Вертушка сгорела. Куча оплавленного алюминия, мерцала белым ослепительным светом горящего магния. Уверовав в свою победу «бармалеи» прочесывать русло реки не стали. После недолго совещания, они, забрав баулы, исчезли в распадке между скалами. Чеченцы, вероятно, посчитали, что живых после падения вертушки не осталось и поэтому не стали преследовать десантников. Удовлетворившись сбитым бортом, они подобрали тела своих убитых, и исчезли, растворившись на горных тропах. Выдержав паузу, Лютый собрал остатки группы в одно место, чтобы принять решение на выполнение боевой задачи:

– Так, бойцы, у нас потери.... Вертушка наша сгорела. Задача командования не выполнена. Что будем делать?

– Командир, мы были в пяти минутах от выброса, это километров двенадцать отсюда вниз по реке, – сказал сержант. – Может, раненых здесь оставим, а сами сделаем дело и налегке вернемся?

– У нас радиостанция сгорела в вертолете, – сказал лейтенант, – правда рядовой Новиков, – посмотрев на воина – связиста спросил Лютый.

Озадаченный десантник, понутив голову, ответил:

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – связи нет.

– Пять суток ареста тебе, засранец! От имени командира батальона будешь сидеть на гауптвахте....

– Есть, – сказал рядовой, стараясь не терять боевого духа. – Так товарищ лейтенант, губу же год назад, как отменили приказом министра обороны России....

– Ты, что Новиков, самый умный? Ты почему материальную часть потерял? Я тебя спрашиваю, боец!? Как нам теперь выбираться из этой каменной жопы?

Новиков молчал, глядя себе под ноги. Он понимал, что дело было дрянью, и теперь нужно было совершить какой-то подвиг, чтобы заработать очки для своей реабилитации перед сослуживцами.

– Объясняю всем тем, чей мозг покрыт мхом тупости и окислами дебилизма, – сказал командир.

– Мой мозг покрыт мхом тупости, – пробубнил, себе под нос связист.

– Нашим командованием поставлена задача, встретить караван с оружием и уничтожить группу. Главарей банды приказано доставить живыми для придания их суду Российской Федерации. На чем мы теперь должны выполнять поставленную задачу? У нас нет транспорта. У

нас нет связи, и мы не можем даже вызвать поддержку. Я не буду вам, напоминать товарищи солдаты, что нас ждет за невыполнение поставленной задачи. Какие будут предложения?

– Командир, почти все абреки, которые ползают по горам, имеют спутниковые телефоны. Мы выполним задачу и добудем средства связи.

– Так, салаги, что мы с этого имеем? – спросил он, размышляя вслух: – Мы имеем хорошо вооруженного противника, который ушел в неизвестном направлении. Раз бандиты не производили зачистку, выходит, что по их соображениям они, или куда-то торопились, или были уверены, что мы все погибли. Отделению – пятнадцать минут на прием пищи, отправление естественных надобностей и перекур. С ранеными остается Новиков, – сказал старший лейтенант.

От сказанного лейтенантом засмеялся даже раненый майор – летчик, который во время падения вертушки умудрился вывихнуть ногу. Обколотый, он пока не чувствовал боли, несмотря на то, что его колено опухло. Никто не знал и не ведал, что творится в душе командира. Пусть даже за его плоскими шутками скрывался воистину глубокий смысл. Из всех сил он старался поднять бойцам боевой дух. Лейтенанту не хотелось погибать в этих скалах, не выполнив приказ командования, чтобы не прослыть неудачником. В эти минуты многое зависело от того, сколько злости и ненависти появится в душах его бойцов, которым он верил и на которых мог положиться. Ему было жаль второго пилота и того простого русского парня, который принял на себя поток раскаленного масла, прикрывая своих друзей и командира. Жалко было всех, но на войне, как на войне, и теперь только разум, да профессионализм могли противостоять торжеству смерти.

– Так, «двухсотых» спрятать, «трехсотому» наложить шину и тоже спрятать. Семен, ты у нас за медбрата? Сделай майору шину, да положи её аккуратней, этот парень еще должен летать, чтобы отомстить за наших ребят. У кого есть сухпай!? – спросил лейтенант. – Оставить майору! Кто не может идти, шаг вперед, марш! – скомандовал Лютый, ожидая, что хоть Кто-то останется.

Из строя никто не вышел. Сергей, уставившись на своих подчиненных, подошел к каждому и посмотрел прямо в глаза. Сейчас, как никогда ему не хотелось обмануться, ведь ставка была высока и, приказ командования должен быть выполнен любой ценой. Сергей старался понять и хоть в ком-то увидеть малейшие сомнения в успехе операции, чтобы оставить прикрытие для летчика.

Десантники держались достойно. Они подобно боевым слонам рвались в бой с чеченцами, желая только одного – выполнить приказ: Сейчас, как никогда было видно, что, несмотря на полученные при падении травмы и ожоги, они пойдут за ним и если надо, то уничтожат врага в его логове.

– Так, задача для всех, кто может держать оружие! Через час мы выходим в рейд по следу банды. Задача у нас такая – мы должны выйти на место их постоянной дислокации или базирования. Силами взвода произвести захват средств радиосвязи и полевых командиров данного бандформирования. Работаем парни тихо с применением ПБС. Скорее всего, бандиты считают, что наша группа погибла в результате падения борта. Это облегчает нам выполнение задачи. Рядовой Новиков, – обратился Лютый к радисту. – Ты, Новиков, будешь дышать мне в спину, чтобы в момент операции не потерять голову, как потерял радиостанцию. После захвата радиостанции выведешь на место базирования банды фронтовую авиацию. С раненым останется....

Сергей задумался и, посмотрев на своих солдат, взглядом оценил каждого бойца. В эту минуту нельзя было ошибиться. Подобная ошибка может стоить жизни многим его подчиненным. Задумчиво глядя в глаза каждому, он старался хоть каким-то чувством определить, того, кому будет труднее всего.

– Никитин! – громко сказал Лютый.

– Я! – ответил боец, чуть слышно.

– Головка от патефона, останешься с майором, поможешь ему.... И смотри мне, никакой самодеятельности.... Оборудуешь схрон и, будешь ждать, когда за вами вернутся. Офицера накормить, ты мне за него отвечаешь.

Никитин вытянулся в струнку и прошипел, словно удав:

– Есть, есть, товарищ лейтенант, – еле выдавил он из себя, стараясь сквозь боль улыбнуться, чтобы показать силу духа.

Солнце близилось к закату. Длинные тени от скал, словно стрелы, пронизывали пространство кавказских гор. Там у подножья хребта виднелись густые леса, где могла укрываться банда контрабандистов. Лютый еще раз взглянул на бойцов.

– Приказываю, осмотреть и переобуть обувь. Полчаса на подготовку и выходим. Время пошло! Курить по команде, – сказал лейтенант и, усевшись на камень, достал планшет. Развернув карту, он положил на нее компас и принялся подробно изучать.

Один его глаз постоянно следил за действиями каждого бойца и фиксировал малейшие отклонения от намеченного плана. В голове проворачивались всякие комбинации, которые должны были помочь ему и его ребятам найти это террористическое гнездо. Определив на карте место падения борта, Лютый старался предугадать, куда ушел караван. Ровно через тридцать минут он встал и, четко сказал:

– Так, время вышло, становись, равняйся, смирно! Десантники, слушай боевой приказ. Приказываю силами взвода обнаружить и уничтожить гнездо коварного и изворотливого врага, который посягнул на жизни наших граждан, братьев по оружию. Враг лишил нас транспортного средства и за это он должен ответить. Приказываю взять живым руководство данной преступной группировки, чтобы они, суки, предстали перед судом! Я, лейтенант Лютый и рядовой Новиков, выступаем в авангарде колонны, замыкающий – пулеметчик сержант Тинов.

– Я рядовой, товарищ лейтенант, – сказал аварец, намекая командиру на его ошибку.

Но Лютый, сурово взглянув ему в глаза, четко и ясно вновь повторил:

– Сержант Алисултан Тинов, замыкающий, вам понятно, сержант, или еще раз повторить?

Дагестанец, услышав, что за сегодняшний день из рядового превратился в сержанта, широко расправив аварскую грудь для обещанного ордена «Мужества», четко по-военному ответил:

– Есть!!!

Сергей медлить не стал, а взял с места довольно приличный темп. Он двинулся в том направлении, откуда велся обстрел борта, в надежде обнаружить кровь раненых и убитых, как это предписывали формуляры по диверсионно-подрывному делу. Ведь он своими глазами видел, как пулеметчик–дагестанец со словами «Аллах Акбар», разрезал очередь из ПК нескольких радикалов. Поднявшись на то место, откуда стреляли из гранатомета, Сергей обнаружил зеленую пробку от выстрела РПГ. Осмотревшись, он сориентировался на местности и, разбив десантников в шеренгу, заставил прочесать каменное плато, с которого велся огонь по борту. Не пройдя и двухсот метров, один бойцов крикнул:

– Есть, товарищ лейтенант – есть!

Словно футбольный судья он поднял свою руку. Следом за ним поднял руку и радист Новиков.

Третье место Лютый нашел сам, и стал внимательно изучать направление, поставив на камень американский навигатор. Мысленно он представил себе траекторию полета вертушки, и что-то, покрутив руками в воздухе, промышчал себе под нос. Сергей встал, взял в руки навигатор и, развернувшись на 180 градусов, четко указал направление на Юго – восток.

– Ориентир – скала в виде медведя. Бегом марш!

Пробежав несколько сотен метров, Сергей в лучах заходящего солнца обнаружил на плато десятка два стреляных гильз от пулемета «УТЕС». Покрутившись вокруг этого места, он уже абсолютно точно указал воинам направление движения. Лютый тут же по каплям крови определил путь бандитов и отметил это место на навигаторе. По направлению примятых кустиков серебристой травы, которая в изобилии росла в расщелинах между камнями, он повел группу дальше.

– Направление Юго-восток, господа десантники, идем в сторону Грузии! Мы им покомандуем парадом! – сказал он и прибавил ход.

Через два часа преследования, командир вывел группу к горному аулу, расположенному в самых дальних уголках Аргунского ущелья. Укрывшись в складках горной местности и зарослях кустов, домики, сложенные из дикого камня, прятались за таким же каменным забором. Сергей, достав из вещевого мешка тепловизор «Скорпион» израильской армии и, прильнув к окуляру, принялся осматривать окрестности аула, чтобы определиться с целями. Десантники, словно мыши скользнули под защиту деревьев и замерли в ожидании команды.

Глядя в тепловизор, лейтенант заметил, что на склонах некоторых гор расположились сторожевые секреты духов. По всей вероятности, это было боевое охранение лагеря. Пробраться в их тыл, чтобы решить вопрос с охраной, было практически невозможно.

К выставленным караулам от аула шла тропа, а с другой стороны прикрывались отвесными скалами. Охранение в таком положении было практически неуязвимо. Отсутствие других вариантов было тоже вариантом, и решение пришло мгновенно. За время службы в разведке Сергей научился воевать с бандитами и знал теперь многие тонкости, которые всегда выручали его в переделках, подобной этой.

– Тинов, ты ведь дагестанец, мусульманин, наверное, Коран знаешь и можешь на чеченском языке немного говорить? – спросил Сергей пулеметчика.

– Да, так, командир, самую малость, – шепотом ответил он.

– Слушай, а может идти прямо на них – нагло, дерзко и напористо.... Самое главное, нужно выиграть этот раунд. Пойдешь прямо на часового, пусть он думает, что это смена.

– Тинов, давай, действуй – сказал Сергей. – Подойдешь, как можно ближе и отработаешь – тихо с ПБС. Но только вали его, боец, наверняка, чтобы он даже квакнуть не успел!

– Я, командир, его сделаю, только, что будем делать с собаками? Собаки они каждый шорох чувствуют и знают всех своих, – сказал пулеметчик.

– Да, насчет собак я как-то не подумал, – задумался Лютый.

Тронув микрофон радиостанции, Сергей привлек внимание десантников, которые сосредоточились у стены каменного забора.

– На связи «лютик».... Бойцы, ставлю задачу, тихо убираем шавок. Они будут мешать выполнению приказа. Свистов, Лунев, работаем по собакам.

– Есть работать по собакам, – сказал Свистов, и Лютый увидел в тепловизор, как бойцы синхронно перемахнули через забор.

Сергей, прислонившись спиной к нагретому за день камню, замер в ожидании доклада о выполнении поставленной задачи. Кровь стучала в висках и этот стук, словно стук маятника часов поступал под корку мозга. Взглянув на небо, Лютый увидел алмазную россыпь звезд, которая отражала бесконечно далекий млечный путь. И тут до слуха лейтенанта донесся лай собаки, к которому присоединился другой. Сергей взглянул в тепловизор и увидел, как два здоровых кобеля лают, глядя в сторону сарая. Тихие хлопки и лязганье затворов в одну секунду прекратили собачий лай, который мог в любую секунду выдать группу разведчиков. В тепловизор Лютый, отчетливо видел, как две горячие пули, прочертив пунктиром расстояние от сарая до собак, в долю секунды умертвили животных. Что-то по цвету теплое на фоне холодной земли и камней отделилось от тела животных, которые неподвижно замерли посреди двора, подергиваясь в агонии.

«Молодцы парни! Хорошо поработали, нужно поощрить», – сказал сам себе Сергей.

Было тихо, только где – то далеко прокричала какая-то странная ночная птица. Через несколько секунд Сергей заметил, как два ярких силуэта вышли из-за угла каменного сарая, который своей стеной выходил к кустам боярышника, где пряталась основная группа десантников. Щелчок в наушнике переключил зрение на слух и лейтенант услышал.

– «Лютик», поставленная задача выполнена. До связи....

– Принял, – ответил командир, и вновь наступила тишина.

– Так, Тинов, давай, теперь твой выход. Парни сделали их....

– Ну, ладно, командир, я пошел, – ответил пулеметчик и, глядя через инфракрасный прибор, уверенно пошел по тропинке в сторону, где под скалой на циновке из бараньих шкур сидели двое часовых.

Сергей видел, что пулеметчик рисковать не стал. Подойдя на расстояние броска, он резко вскинул «Вал», и в сотую долю секунды отработал две цели. Вновь одна вспышка за другой обозначили температурный перепад в видеоискателе тепловизора. Пули, словно молнии, прочертили пространство, и впились в «бармалеев», которые так и не поняли, что пришла смерть.

– Алик, контрольный, – сказал Сергей и увидел в «Скорпион», как пулеметчик, подошел к телам часовых, и полосонул одного армейским ножом, а другого, добил выстрелом в голову.

Боец склонился над телом покойного и вытер армейский нож об одежду убитого.

Лютый, глубоко вздохнув, выключил тепловизор, чтобы не сажать батарею, и отключился на несколько секунд, пока Алик работал по трофеям.

Лютый откинулся на спину, и глядя в полное небо звезд закурил. Через несколько минут вернулся, Тинов и лейтенант вновь вышел на связь.

– На связи, бойцы, «лютик» на связи! У нас чисто – путь свободен.

– У нас минус два и две собаки.

– Вперед, славяне, родина вас не забудет....

По команде командира группа разведчиков в мгновение ока перепрыгнула через забор и рассредоточилась по двору, беря под прицел все подозрительные места. Кто-то по лестнице поднялся на второй этаж и занял место около окон. Кто-то взял под прицел двери, Кто-то окна первого этажа.

Сергей, как старший, замер возле входной двери и приступил к определению цели. Просунув в замочную скважину микровидеокамеру на гибком шнуре, заглянул внутрь. По появившейся картинке на мониторе определил, что в прихожей никого нет. Где-то в других комнатах горел свет, и оттуда доносились глухие голоса. Лейтенант тихо открыл двери. Пропустив, впереди себя трех бойцов, он вошел следом.

От напряжения сердце казалось, просто выскочит наружу. Все тело, подобно телу хищного животного, напряглось в предчувствии кровавой схватки. Лютый, досчитав до пятидесяти, щелкнул пальцем по микрофону. Это была команда на штурм. В комнату, где за столом сидело около десятка «бармалеев», ввалились трое десантников. Треск не громкий треск автоматов заглушил крики раненых и, звук битого оконного стекла, через которые в дом прыгала другая группа разведчиков.

Сергей в наушниках услышал:

– «Лютик», верх чисто, потерь нет! Левое крыло чисто, потерь нет! «Первый», чисто, потерь нет, один «триста»....

Услышав, что один из бойцов ранен, Сергей заскочил в большой зал, где его глазам предстала кровавая картина. Тела боевиков, растерзанные кинжальным огнем, беспорядочно валялись по всему залу. Застигнутые пулями, они умерли, так и не поняв, что произошло. Сладкий пороховой дым наполнял дом и висел в пространстве сизыми слоями.

– Кто ранен? – спросил лейтенант, войдя в помещение.

– Свист, палец порезал, – ответил Лунев и, взяв со стола гроздь винограда, принялся её объедать, – он, командир, рюмку с вином схватил, а она возьми да тресни, наверное, от жадности....

– Пить хотел я, командир, – сказал рядовой Свистов, обматывая порезанную ладонь, – я схватил бокал, а он прямо в руке раскололся.

– Короче, бойцы, доложить о проведении операции, – сказал Лютый, и, отпихнув мертвого духа ногой, вальяжно разместился за столом, в ожидании доклада.

– У нас двое живых «бармалеев». Судя по американскому камуфляжу и знакам различия армии Ичкерии, это полевые командиры, или главарь бандформирования, – сказал пулеметчик и стволом автомата приподнял спрятавшихся за диван двоих бандитов.

– Что, русский свинья, живой остался? – спросил один из «басмачей». – Тебе надо было еще там, сдохнуть.... Ты, зря пришел сюда, тебя уже завтра на куски, как барана рвать будут....

– Ты, что ли будешь меня рвать? – спокойно спросил Сергей, и, взяв в руки вилку, стал кушать жареную баранину, макая её в острый томатный соус.

– Нэт! Брат мой Саид Удугов.... Ты понял, что не с теми связался?

– Так, что Удугов твой брат? – спросил Сергей, продолжая, спокойно жевать. – Шашлык у тебя хороший получился, но только ты, Ваха Удугов, его есть уже не будешь.... Его я со своими пацанами съем.... А ты теперь, всю жизнь будешь баланду лагерную кушать на «Черном дельфине».... Для тебя «Карабас–Барабасович», теперь даже свиное ухо станет великим деликатесом.

– Да, русский, Удугов мой брат.... А ты, кто такой? – спросил бандит. – Я должен знать, кого я буду убивать и резать, как овечка!

– Меня Сергей, звать.... Сергей Сергеевич Лютый, я командир разведвзвода, а мой прапрадедушка в 1860 году здесь на Кавказе, твоего прапрадедушку по горам гонял, как зайца. Жаль он тогда яйца твоему прапрадеду не отрезал, чтобы такая мразь, как ты, родиться не смогла!

– Ты, русский, лучше меня убей! Ты, посмотришь, как настоящий джигит умирать умеет, – сказал чеченец скалясь.

– Ты, что ли джигит, или, это сейчас всех называют джигитами, кто с детьми и бабами воюет? – ответил Лютый, закуривая.

Тут в зал, где шел допрос, вошел радист Новиков и, не скрывая радости, обратился к лейтенанту:

– Командир, я у них радиостанцию нашел, рабочую. Точно – такая, как моя.

Лейтенант встал из-за стола и ответил:

– Так, бойцы, этих двоих связать, чтобы не сбежали. Даю вам тридцать минут на ужин и сбор трофеев. Всю взрывчатку, что есть в доме, несите сюда. Фейерверк устроим, когда будем уходить. Я хочу, чтобы в этом родовом гнезде больше ни одна тварь, подобная братьям Удуговым не родилась.

Осматривая дом, в одной из комнат Сергей обнаружил пластиковые пакеты с героином.

Спрятав один пакет под разгрузку, Сергей щелкнул пальцем по гарнитуре:

– Новиков, Новиков, мать твою, ты кишку набил?

– Так точно, товарищ лейтенант! – сказал связист, чавкая.

– Так найди какую-нибудь тряпку и спустись в подвал. Заберешь тут наркоту. Мы её с взрывчаткой перемешаем, чтобы она никому из наших детей не досталась.

Пока все было тихо и ничто не говорило о присутствии в этом доме других членов семьи. Вдруг в одной из комнат навстречу лейтенанту выскочил мальчишка лет тринадцати. Он направил на Лютого «калаш», пытаясь изо всех сил спустить предохранитель.

Лютый, отреагировал молниеносно. Не дожидаясь выстрела, он нажал на спуск. Две пули пригвоздили к стене юного радикала, не оставив ему никаких шансов на продолжение рода.

«Бляха муха! Вот же дурак! Кто просил тебя хватать оружие»? – сказал Сергей, себе под нос, закрывая мальчишке глаза.

В этот самый момент в комнате появился Новиков.

– Вызывали командир?

– Давай, Новиков, складывай эти пакеты, – сказал лейтенант, показывая на ящик, и тащи в зал.

– А это!? – показал десантник на труп пацана.

– Я что, виноват? Сам с автоматом на меня выскочил? – стал оправдываться Лютый.

– Командир, да и хрен с ним.... Они же тоже наших детей убивают, – сказал рядовой, складывая пакеты в скатерть.

Сейчас в стеклянных глазах Сергея не было ни ненависти, ни призрения к этим людям, было просто какое-то странное равнодушие. Было отчуждение от всей этой жизни. Бандиты, оружие, наркотики и этот убитый мальчишка – все смешалось в одно.

Он понимал, что это была грязная работа, которую должен кто-то выполнять. В эту самую минуту лейтенант подобно «машине смерти» делал её, как когда-то такую работу делал его прапрадед, которого больше ста лет назад горцы нарекли Лютым.

Сергей не просто стрелял в кого попало, он стрелял в того, кто, встречаясь с ним на пути, держал оружие, и это было оправданием смерти.

В одной из женских комнат разведчики обнаружили трех женщин. Те, в страхе забившись, сидели под одеялом из верблюжьей шерсти. Услышав стрельбу, они боялись высунуть головы. Столкнувшись впервые с настоящим горем, которое ворвалось в их дом, они оцепенели. От плача и животного ужаса чеченок бил жуткий озноб. Десантники вывели их в зал, усталый трупам, и представили перед командиром.

В ту минуту командиру стало их жалко, и он, положив на стол автомат, сказал:

– Тинов, скажи им, что мы женщин и детей не убиваем. Это если у них нет в руках оружия.... Мы гарантируем им жизнь, если они не будут дергаться. Забираем их с собой, пусть местные менты разбираются с этим гребаным наркорассадником.

– Новиков, связь! – сказал лейтенант, обращаясь к связисту.

– Товарищ лейтенант, я пробовал, тут кругом горы. Связи нет, вот, если бы нам спутниковый телефон, – сказал связист.

– Ты, солдат, не ссы, через пять минут выходим! Будет тебе связь. Все, воины, обед окончен! – хлопнув в ладоши, сказал Сергей.

Тем временем, пока десантники готовили отход, Лютый с тремя бойцами собрал на куче взрывчатки и оружия весь героин. К взрывчатке добавили более тридцати выстрелов от гранатомета РПГ и все это основательно приготовили к взрыву. Сергей достал из вещевого мешка взрыватель и, включив питание, заложил его внутрь этой взрывоопасной кучи.

– Все, парни, уходим! Уходим! Новиков, Свистов, Тинов на выход! На марше идем согласно боевому порядку! Сержант замыкающий!

Колонна под покровом ночи двинулась в сторону гор. Для облегчения движения десантники прихватили трех коней, чтобы те тянули с собой запас воды и изъятое у бандитов оружие.

Спустя час лейтенант Лютый объявил привал, чтобы связаться с базой. Пока Новиков настраивал радиостанцию, лейтенант достал радиопередатчик и нажал кнопку. Сигнал от радиопередатчика понесся со скоростью света в сторону спутника, висевшего где-то над Землей. Отразившись, от приемной антенны, он проскочил генератор и усиливающий модуль и уже от антенны – усилителя вернулся назад в ущелье.

Ни командир, ни бойцы взрыва не слышали, аул остался где-то далеко за спиной. Только спинным мозгом он почувствовал, как, приняв импульс, детонатор отработал штатно, и дом «бармалеев» и террористов Удуговых, разлетелся на куски, превратившись в кучу битого кирпича и пыли.

– Так, бойцы, нам не хватает десяти минут, мы должны или прибавить темп, или нам придется принимать бой, – сказал он, ставя в известность подчиненных.

Сергей знал, что его парни на грани возможного, действие обезболивающего подходило к концу. С минуты на минуту группа еще сильнее начнет сбавлять ход. Сергей предчувствовал это. Поэтому он и сохранил за своим жилетом пакет самого сильного в мире анестетика.

Из общения с «умными людьми», он знал, что незначительная доза героина снимает любую боль и, что в американской армии в качестве обезболивающего средства применяется морфин, а это всего лишь одна сотая от дозы растворенного в воде героина.

– Группа, стой! – скомандовал лейтенант.

Десантники остановились, глядя на командира глазами, полными вопросов.

– Так бойцы, для тех, кто испытывает боль, могу предложить вариант обезболивающего компресса.... Хочу предложить вам, вариант: обработки бинтов раствором героина. Можно смочить бинты в растворе и приложить к обожженным местам. Нам парни, нельзя терять время. По нашим следам идут «бармалеи». Нас ждет «борт» в условном месте....

– А может командир, по вене пустим, – в шутку спросил сержант Аверин, растягивая лицо в улыбке.

– Сержант Аверин, отставить, – одернул его лейтенант.

– Всё – понял, понял, понял, – ответил тот, расплываясь в улыбке.. – Что уже пошутить нельзя?

– Шутить будем тогда, когда мы выйдем без потерь. Кто будет обезболиваться, подходим ко мне, – сказал Лютый. Он вспорол пакет и, всыпал во фляжку с водой не более ложки смертельного снадобья. Бойцы не приняли предложение командира, оставаясь на месте.

– Я так понял, что все здоровы?

– Так точно, товарищ лейтенант все здоровы! – выпалили разведчики.

– Ну, тогда парни, вперед....

Солнце слегка обозначило свое появление, и лейтенант взглянул на часы. Уже, наверное, больше часа за ними шла погоня. За это время они успели оторваться с запасом, чуть более тридцати минут. Считанные километры оставались до назначенного места и, по расчетам лейтенанта, времени для этого было мало. Оно сокращалось и сокращалось с удивительной скоростью.

– Вперед, вперед, вперед, мужики! Бегом марш, – последний рывок! Нас ждут великие дела! Сержант Тинов, принять командование! Я прикрою группу!

– Командир! Можно я останусь?

– Отставить, – сказал лейтенант. – Пулемет! Я зажму духов в этом ущелье.... Здесь единственный проход, и у них нет, шанса обойти меня с тыла!

– Погрузитесь на борт – после заберёте меня. – «УТЕС», две «Мухи» и патроны, скомандовал лейтенант.

– Товарищ лейтенант, можно останусь я? Уходите! Вы командир, и должны быть со взводом! – ответил боец.

Тут Лютый не выдержал. Он схватил сержанта ремень разгрузки и, глядя в глаза, сказал:

– Ты, группу поведешь! Ты мусульманин – тебе харам убивать своих! Приказ командира, не обсуждается, а исполняется. Понятно, сержант!? Раз понятно – выполнять!

Тинов, проглотивший подкрававшийся к горлу комок, и еле выдавил из себя:

– Есть....

Аварец рукавом вытер, скинул с плеча ПК, положил его рядом. Десантники стянули с лошади «УТЕС» и две коробки с лентами.

– Готово командир!

– Все, давайте парни, догоняйте группу. Скоро тут будут духи, – сказал он спокойно, и вытерев рукавом лоб, присел на камень. Достав сигареты он закурил и, глядя как из-за гор начинает появляться солнце, осмотрелся, выбирая себе позицию. Сергей чувствовал, что все будет так, как задумал он. У него был колоссальный позиционный перевес, и обойти его другой тропой было невозможно. Тропа уходила вверх к леднику, и это был единственный путь, по которому можно было пройти.

Не теряя времени Лютый, опытным взглядом оценил обстановку и, сопоставив все с рельефом окружающей местности, оборудовал огневую позицию. Установив «УТЕС» он зарядил ленту и, направил его в сторону ложины между скал. Недалеко от крупнокалиберного пулемета установил ПК. Закончив дело, Сергей еще раз закурил и достав из под «бронника» пакет героина, высыпал зелье между камней. Сигарета в руках горела быстро, словно это был огнепроводный шнур. Сергей верил в свою победу, поэтому был уверен в том, что сержант встретит борт и вся группа благополучно вернется на базу.

Минут через двадцать он увидел, вдалеке группу духов. Пара лошадей, приученных к горным тропам и каменистым перевалам, тащили на себе боевой комплект. Лютый, не спеша, словно на полковом стрельбище, прицелился по авангарду из крупнокалиберного пулемета и, с тоской глядя на лошадей, сказал в голос, как бы обращаясь к господу:

«Господи милосердный, прости мне это смертоубийство, не по своей воле я делаю это, а по приказу. Отдаюсь во власть твою и, уповаю на милосердие твое! Да спаси мою душу, во имя отца и сына и святаго духа, и господа нашего – аминь!»

Сергей достал нательный крестик и, поцеловав его, бережно вернул на грудь. Как ему казалось тогда, крест святой, защищал его от пуль лучше самого надежного бронежилета.

До головной лошади оставалось еще более двухсот метров. С глазами полными тоски, слез и раскаяния, он последний раз взглянул в небо, как бы продолжая просить прощения у всевышнего.

«УТЕС» своим грохотом разорвал тишину. Многократным эхом звук выстрелов проносился по горам, сотрясая скалы. Мгновенно колонна духов заметалась в поисках укрытия, но несколько лошадей вместе с всадниками, были разорваны в клочки первой очередью. Со стороны «бармалеев» раздались одиночные выстрелы и короткие очереди, которые никакого урона принести не могли. Пули с визгом и воем рикошета, проносились на несколько метров выше. Оставшиеся животные испуганные грохотом, кинулись вниз по ущелью, и сердце лейтенанта слегка ожило. Сейчас на поле боя остались только те, кто жаждал смерти. Кто хотел растоптать и унижить его человеческое достоинство, его русский дух. А к этим зверям в человеческом облики он жалости не испытывал и, нещадно поливал их свинцовым дождем.

Опешившие от такого напора чеченцы старались подобраться, как можно ближе. Прикрывая друг друга автоматным и винтовочным огнём, они карабкались к Сергею. Пули из «УТЕСа» ложились очень близко, и не давали духам поднять головы.

Вдруг, командир увидел, как за одним из камней показалась граната РПГ. По всей вероятности, бандит, решил поставить точку в его жизни. Хладнокровно прицелившись, Сергей одиночным выстрелом точно сразил гранатометчика, когда тот вылез для выстрела. Взрыв гранаты в трубе разметал по камням тело гранатометчика, и слегка остудил пыл басмачей.

«Не хило я его сделал», – сказал сам себе Лютый, и, зарядил последнюю коробку патронов.

«Бармалеи», видя позиционное преимущество, словно раки, пятась, поползли назад, чтобы уйти с линии кинжального огня. На какое-то время, горцы прекратили стрельбу, перегруппировывая свои силы. Но подобная тактика не могла оправдать себя, и была заранее обречена на провал.

– Эй, русский, дэньга хочешь? – проорал кто-то из гостей.

–И, много дашь? – крикнул, Лютый, в ответ.

– Сколько скажешь, столько дам, – ответил голос чеченца, прятавшегося за большим валуном. – Жить будешь, домой поедешь, дэвушка любить будешь, машину себе купишь.

В эту секунду Сергей увидел, что чеченцы не собираются отступать, а лишь тянут время, чтобы применить какой-то коварный план.

– Сто тысяч долларов дашь? – проорал Лютый, и эхо, сотни раз отразившись от скал, повторило: «Дашь, дашь, дашь...».

– Дам, – ответил, переговорщик, явно лукавя.

В ту минуту лейтенант находился на доминирующей высоте, и все действия радикалов вызвали в нём ироническое настроение. Вдруг невдалеке от него разорвалась граната, выпущенная из подствольного гранатомета. Лейтенант краем глаза заметил место, откуда был произведен выстрел. Облачко сизого порохового дыма предательски выдало гранатометчика. Лютый прицелился. Попасть в стрелявшего, было невозможно, он скрывался за скальным выступом.

Вновь мозг Лютого заработал, подобно компьютеру. Рассчитав угол отражения рикошета, он нажал на гашетку. Эхо выстрелов ударило по горам, а длинная очередь, попав в плоский срез гранитной скалы, рикошетом ушла в нужную ему сторону, накрыв осколками гранатометчика. Крик раненого отразился ответным эхом и тут же стих.

Сергей чувствовал, что с минуты на минуту духи соберутся с силами и, изменив тактику, пойдут на штурм. Произошло то, что он и предполагал. В какой-то миг с флангов залегшей группы, поднялись бойцы и кинулись в атаку. Центр мгновенно огрызнулся автоматным шквалом огня, заставляя его прятаться, а не отстреливаться. Первую попытку атаки Сергеем пришлось пропустить, чтобы выработать алгоритм своих действий.

Как только фланги открыли огонь в его сторону, лейтенант мгновенно перенес сектор стрельбы в центр. Вскочившие в атаку радикалы, тут же, попав под кинжальный шквал крупнокалиберного пулемета, были мгновенно растерзаны на отдельные фрагменты. Кровь, мясо и куски рваной одежды разлетелись по лощине на мгновение, погасив пыл наступающей стороны.

Боевики вновь предприняли новую тактику попеременного продвижения, и уже, открыв стрельбу с левого фланга, на правом фланге один из боевиков совершил удачный бросок. Сергей старался ответить огнем, но крутить пулемет под шквальным огнем противника было не только делом неблагодарным, но и опасным. Всякий раз, огрызаясь огнем, Сергей ощущал, как пули прицельно стали ложиться с ним рядом. Теперь пришла очередь ему менять не только тактику боя, но и позицию. Вытащив из подсумка пару дымовых и боевых гранат, Лютый бросил их одну за другой с достаточным интервалом. Белый дым закрыл обзор чеченцам, создав для них слепую зону. Как раз в это мгновение Сергей, поменял позицию. Раздались взрывы, и он, нажав на гашетку, стал вслепую расстреливать оставшийся запас патронов, не дав боевикам поднять головы. Как только они закончились, Сергей, обновил дымовое «облако», метнув в распадок дымовую шашку. Без суеты он сменил позицию, перебравшись на запасную «оборудованную огневую точку», где его ждал пулемет ПК, с двумя коробками патронов и тремя «Мухами».

«Бармалеи», увидев, что у русского больше нет патронов, основательно осмелели, и с криками «Аллах Акбар», бросились в атаку. Не пройдя и десяти метров, они тут же были срезаны пулеметным огнем, и им пришлось вновь прятаться в камни. Очередь из ПК заставила их вновь надолго залечь в укрытие, чтобы начать атаку заново.

– Ну, что ты хочешь русский, – услышал лейтенант, знакомый голос.

– Хочу, чтобы вы ушли, – ответил он.

– Верни наших женщин и, мы уйдем домой, – ответил голос.

– Им ничего не угрожает, – крикнул Лютый, достаточно громко. – Заберете своих женщин, когда придете в комендатуру в Шали с повинной!

Сейчас, лейтенанту нужно было, как можно дольше тянуть время. По его подсчетам группа была уже на подходе к контрольной точке.

Сепаратисты, теряя живую силу, все еще старались переломить ход боя в свою пользу, но огонь из пулемета каждый раз все больше и больше подавлял их надежды на положительный исход схватки. Отчаявшись, чеченцы пустили в ход гранаты. Это был их последний выпад, перед тем как пойти в атаку.

– Командир, мы идем, – услышал Сергей, в ресивер голос сержанта. – Держись, командир!

Где-то, отдаваясь эхом от скал, вдруг послышался гул боевых бортов. МИ – 24, словно летающие танки, вынырнули из-за перевала. В этот миг лейтенант, облегченно вздохнув, пустил ракету красного дыма в направлении позиций засевших за скалами и камнями бандитов. Красные полосы дыма, обозначили место бомбометания. Почти мгновенно с ракетой, указавшей цель, раздался рев НУРСов. Место, где прятались гордые горцы, превратилось в настоящий ад, перемешанный с камнями, кровью и их разорванными телами. Вертушки, повторив боевой разворот, вновь сделали еще залп, чтобы окончательно поставить точку в существовании этого бандформирования. После того, как несколько ракет разорвалось в пределах лощины, из живых существ там остались только микробы.

Когда дым от взрывов рассеялся, то глазам Сергея предстала страшная картина: несколько лошадей и около десятка боевиков, остались лежать на месте боевого столкновения. Остальные были рассеяны по лощине работой боевой авиации.

Садясь в борт, он еще раз взглянул на место сражения, и холодок пробежал по его спине. Среди камней, омытых кровью, лежали кровавые куски мяса, завернутые в камуфлированную ткань.

Вся эта трагическая картина навевала в душе Лютого всевозможные философские измышления, заставляя его думать о правильности и жестокости этой войны. Ведь он понимал, что исполняет только приказ. Кто стоял за этим, и чьи интересы в Чечне представлял русский солдат, было тогда ему неизвестно, они были просто солдаты, солдаты, исполняющие свой долг!

Глава четвертая

Последний рейд

Лютый, проснулся и открыл глаза. Вновь он вернулся в реальный мир, оставив воспоминания о прошлом в файлах своего мозга. Духота в самолете не давала ему расслабиться. Тот, кто был тепло одет, скинув верхнюю одежду, дремал безмятежным сном. Люди не обращали никакого внимания на жуткое тарыхтение, которое как-то неприятно для слуха исходило с правой стороны самолета.

Девчонка спала, положив голову на плечо Сергея. Тонкая струйка слюны стекала из уголка рта, подчеркивая этим сладость сна.

Лютый, придя в себя после дрёмы, пристально стал рассматривать все происходящее в самолете. После выпитого пива, очень хотелось курить, но в этом самолете «салон для курящих» был почему-то не предусмотрен. Приходилось терпеть. Однако охотники, которые без остановки резались в карты, не обращая внимания на запреты, позволяли себе выкурить сигарету.

Самолет местной авиалинии скорее напоминал не воздушное транспортное средство, а какой-то межколхозный автобус, перевозящий механизаторов и упитанных доярок к месту работы. Они постоянно пахли соляжкой и коровьим навозом, и этот запах впитался не только в одежду, но и в кровь.

Сергей никогда не брезговал такими местами. Только здесь он чувствовал единение с русским народом и духовную близость. По своей натуре, он не был эстетом, поэтому ему все-

гда легко давалось подобное общение в подобных местах. Это и закалило его восприятие той атмосферы, от чего нормальные люди, прибывали в недоумении.

Недалеко от дверей в пилотскую кабину сидели охранники, которые сопровождали ценный груз, находившийся в багажном отделении самолета. Напротив, рядом с дверью в кабину, расположился полицейский сопровождения. Он держал на коленях автомат АКС – 74У, держа салон самолета под наблюдением.

Сергей вновь закрыл глаза и погрузился в воспоминания былых дней. Часы, отмеряющие бег жизни самолета и пассажиров уже отсчитывали последние минуты, но ни кто, не ощущал того, что ангел смерти уже расправил свои крылья.

После двух командировок подряд, пребывания в Чечне, он уже, будучи старшим лейтенантом, вышел на новый профессиональный уровень, приняв под свое командование роту оперативного реагирования. Даже старшие офицеры полка, увидев карьерный рост молодого офицера, желали завести с ним связи и товарищеские отношения. Они видели и знали о надежности молодого командира и его пристрастиях по службе.

Десантники считали за честь служить в роте у старшего лейтенанта Лютого. Он был далек от политики, но как профессиональный солдат, четко делал свое дело и, не всегда стараясь, исполнял приказы тех, кто слыл карьеристом, бездарем в управлении. Нередко случалось, когда благодаря таким блатным паркетным штабникам из академий, десантники погибали целыми взводами и даже ротами. Никто из них никогда не нес ответственности за тех, кто положил жизни на алтарь общей победы.

Очередная «командировка», подходила для Лютого к концу. Она заканчивалась и, уже совсем близко вырисовывалась спокойная жизнь по месту дислокации полка. Колонна машин выдвигалась на марш в сторону Грозного на погрузку. Впереди его ждал Псков, и ставший родным поселок Черёха, где располагался его родной десантный полк.

Как и всё командование, кавказской группировкой он знал, что где-то в горах у басмачей оставались пленные русские парни, за которых бандиты ожидают выкуп.

Лютый тоже знал, пока лично до него не дошла информация, что у одного чеченского полевого командира в яме находится офицер – десантник, с которым он когда-то учился в рязанском училище. Для Сергея, это стало той каплей, которая переполнила «сосуд» его души, и пролилась наружу, вызвав стресс. Да, для него это был настоящий стресс.

По сведениям агентуры ФСБ, ему стало известно, что в одном высокогорном ауле в руках Саида Эльдарова, находилось пятеро наших бойцов, попавших в плен в разное время и в разных местах. Среди них находился старший лейтенант Лазарев, которого Лютый знал под позывным «Заря». Сергей, когда узнал о данном факте, вышел из себя. Он знал, что до конца командировки осталось всего два дня и на смену псковскому десанту уже заступает на боевую работу другая группа.

Сергей, словно пуля ворвался в помещение командира полка, и на повышенных тонах потребовал направить его в рейд, чтобы вытащить парней из плена.

– Старший лейтенант Лютый, вы же знаете, что полк возвращается на место постоянной дислокации в Псков. Возвращение пленных это дело комитета солдатских матерей, а также ФСБ. Пусть Кадыров со своими «бармалеями» занимаются возвращением пленных на родину.

– Товарищ полковник, это же наши люди! Это простые русские, православные парни которых государство втянуло в эту авантюру! Вы же офицер – десантник, неужели вам, как командиру на них наплевать?

– У меня Сережа, приказ! Я жду – жду, когда поступит команда на погрузку. Поэтому никаких операций мы больше проводить не будем! Вам ясно – старший лейтенант? – сказал полковник, переходя на командирский язык и интонацию. – Не будем!

Лютый, вылетел из от командира на взводе.

«Ох уж этот старый козел», – буркнул он себе под нос и достав сигарету, закурил, и глубоко затянувшись, договорил:

«Да, я на тебя плевать хотел»....

Через несколько минут он ворвался в расположение роты:

– Дневальный, объявить разведке боевая тревога! Строиться на улице по боевому порядку!

Дневальный нажал на кнопку сигнала и завопил:

– Разведка, боевая тревога, построение на плацу по полному боевому....

Десантники, без суеты собрали вещевые мешки, бронежилеты. Подхватили оружие, и уже через пять минут оперативный взвод разведчиков стоял в полной боевой выкладке.

– Становись! Равняйся! Смирно, – скомандовал сержант, и доложил командиру об исполнении приказа на построение:

– Товарищ старший лейтенант, оперативный разведвзвод по вашему приказанию построен.

– Вольно, – сказал лейтенант.

– Вольно, – повторил дежурный по роте.

Старлей, встал перед строем, и простым гражданским языком обратился к бойцам:

– Парни, у нас жопа! Мне нужно десять человек! Десять добровольцев! По донесению агентуры, в одном ауле у местного падишаха в плену находятся наши парни. Мы послезавтра уходим, и их освободить будет некому. Те, кто придет после нас на наше место, не в курсе местных особенностей. А у ребят каждый день можно засчитывать за год. Кто идет со мной, – сказал старший лейтенант. – Шаг вперед!

Обе шеренги не сговариваясь, сделали шаг вперед.

К горлу командира подкатил комок.

– Еще раз повторяю, – в бой идут одни старики! Добровольцы, шаг вперед, марш!

И снова весь взвод сделал шаг вперед.

Командир, глядя на них, выругался матом. Он прошел вдоль строя и пальцем указал на тех с кем пойдет в последний рейд.

– Так, со мной идут те, кого я выбрал! Вам тридцать минут на сборы! Остальным занятия по плану! – сказал он. – Разойдись!

– Взвод разойдись, – проорал дежурный по роте, дублируя приказ.

На плацу осталось десять человек.

– Так мужики, через два дня мы возвращаемся в Черёху, – обратился Лютый. – У нас осталось одно недоделанное дело. Правда, оно выходит за рамки нашей компетенции, но я думаю, победителей, ни кто судить не будет. Кто со мной – тот со мной! Кто хочет на дембель, можете идти в расположение роты. Только напоследок, хочу сказать: Парни – там, в плену у «бармалеев» наши братья – русские ребята, неужели мы их оставим здесь, чтобы он погибли и стали разменной монетой в генеральской сделке?

Дружный возглас бойцов возвестил о полном согласии. В ту секунду по спине командира пробежали мурашки.

– Уходим через сорок минут! Сейчас пять минут перекур! На сборы тридцать минут! Получить у старшины тройной боекомплект, и паёк на два дня. Приказываю, – сержант Аверин, принять командование. Через тридцать минут жду всех на аэродроме. А теперь вольно разойдись! Время пошло!

Оседлав УАЗ командира полка, Лютый поднимая рыжую пыль, рванул с места. Через мгновение он уже скрылся в направлении вертолетной площадки.

Пилоты дежурного борта, оставшись временно без работы, занимались своими делами. Кто валялся в палатке и рассматривал мужские журналы, кто ради интереса вместе с технарями ковырялся в машине.

Сергей осмотрелся. Опытным взглядом разведчика он определил дежурный борт, который стоял всегда под «парами». Пилоты вместе с технарями сидели возле вертушки и на пустых ящиках яростно резались в домино. Приказы на вылет, последние дни все реже и реже носили боевой характер. В связи с ротацией войск, боевые действия временно приостановились, поэтому в воздухе было спокойно. И солнце лениво грело, пробиваясь через осеннее марево.

Лютый, подошел к пилотам, и, как бы шутя, спросил:

– Мужики, а хозяина пятьдесят второго «борта» я видеть могу?

– Что ты, «Лютик», хотел? – спросил майор Белоцерковский, посмотрев снизу вверх на командира разведки. – У нас сегодня день нелетный.

– Да хотелось последний раз поглядеть на эти горы с высоты птичьего полета, – ответил старший лейтенант. – Когда еще доведется побывать....

– Приказа на запуск не было! Видишь, полдня в домино режемся.... Вся группа сидит в ожидании смены состава. Мы снимаемся по графику штаба.

– А за бабки кто полетит? Пятьсот долларов дам, сказал Лютый. – Во, как надо! – Сергей ребром ладони провел по горлу.

– Сергей, ты же знаешь, приказа не было, и сегодня уже вряд ли будет. Кому в последний день хочется умирать!? – сказал майор почёсывая макушку.

– Сегодня, мужики, я буду ваш приказ! Простите меня за нескромность, но у меня куплен билет в партер. Так что я имею полное право....

Он, передернув затвор автомата с ПБС, и, направил его на летунов, полный решимости применить оружие. Его глаза источали свет безумства. Один из технарей, откинувшись назад, неловко упал с воздушного баллона, на котором он сидел. Прапорщик взглянул на рассвирепевшего старшего лейтенанта, глазами полными ужаса. Он, словно парализованный гипнотическим взглядом среза ствола автомата «Калашникова», решил не дергаться, а покорно остался лежать на спине в позе майского жука.

Летчики знали, что с командиром оперативной разведывательной роты связываться не стоит. За два года командировок он окончательно «отморозился», приняв близко к сердцу гибель шестой роты 104 полка. Для него сейчас не было авторитетов, которые могли повлиять на отмену его решения, каким бы оно не было сумасшедшим. В таких случаях он всегда говорил: «Для меня авторитет, лишь Пол Пот, да Пиночет!»

– Мужики, мне все равно светит срок за невыполнение приказа командующего. Мне сейчас по шарабану хочешь ты, майор, сегодня летать или нет! Считайте, что я беру вас в заложники! Так что, давай, майор, заводи свою «кофемолку» и не расшатывай мои и без того расшатанные нервы! – сказал Лютый таким тоном, что командир борта понял, что офицер в полном боевом, шутить не будет.

Один из офицеров, оглядываясь, пошел к борту, чтобы подготовить его к взлету. Делать было нечего, и нужно было выполнять приказ сумасшедшего разведчика. Он знал, что Лютый если, что надумал, то любыми путями исполнит задуманное.

– Давай, командир, к машине и, прости меня великодушно, я иначе не могу. В рабстве мой друг по училищу. Я же, Виталик, как и ты, офицер, а мы ведь своих не бросаем – ты это улавливаешь? Ведь мы же с тобой русские люди — славяне! – сказал, Сергей, заранее извиняясь. – Я не виноват командир, что информация о заложниках пришла только сегодня утром. Пока они её там в штабе, рассмотрят, пока проверят по каналам ФСБ, согласуют с Кадыровым, пройдет неделя, а мы после завтра уже сваливаем домой.

– Ты можешь толком объяснить, что случилось? – спросил летчик, озираясь на ствол автомата.

– Слушай, майор, через пару дней мы уходим, но мы не должны, понимаешь, не должны оставлять своих солдат и друзей.... Мы не должны бросать тех, кто закрывал грудью твою

же, майор, жизнь. Ты мне скажи, ты бы бросил своих братьев в плену у боевиков!? Ты бы бросил, чтобы над ними издевались, превращали в рабов, мочились на них, унижая честь и достоинство!? – спросил старший лейтенант, глядя в глаза летчику.

– Я принял решение, и я вытащу их из этого ада, даже если мне придется рассчитаться жизнью! Ты меня понял, майор, ничего личного, и это не красивые слова, а мое незыблемое кредо!

– Сергей, ты же знаешь, захват воздушного судна это уже террористический акт, тебя же потом под трибунал отдадут! – сказал майор, старясь уговорить старлея, не совершать ошибку.

– Победителей, майор, не судят! А террористом, террористом меня, Виталик, моя любимая Родина сделала, и всему этому научила! Я уже несколько лет учусь убивать, на моей совести убитых больше, чем сейчас патронов в моем боекомплекте. Поэтому лучше не дергайся, одним больше одним меньше, какая мне разница, если меня спишут в отставку и упекут в психушку!? Ты, когда, Виталик, полетишь, то думай об их матерях, так будет легче нарушать приказ! – сказал Лютый и засмеялся.

– Летим куда? – спросил майор Белоцерковский, поднимаясь в борт.

– Пойдем сперва, над Аргунским ущельем в сторону Грузии, это южнее Улус — Керта. Дай мне полетную карту, я точно покажу это место. А где сесть скажу позже, я в этих краях уже воевал, и знаю там каждую горную тропинку, – спокойно сказал Сергей.

– Ты что, Лютый, охренел, да там не одну вертушку духи сожгли.... Мы, же даже до Тасбичей не проскочим! – ответил майор, зная эти места, где до сих пор торчали обгорелые остовы техники.

– Ты, майор, не бзди! Духи свои кордоны сняли! Они же не дураки, как наши генералы. Их там так Кадыров зацебил, что они из своих родовых башен вылезти бояться, а другие в Грузию на вольные хлеба подались. Поэтому, они уже давно там гашиш курят, а не воюют.

Майор запустил двигатель, и винт борта стал раскручиваться, набирая положенные ему обороты. Опробовав машину на всех режимах, пилоты по радиостанции связались с «вышкой», чтобы получить добро на взлет. Сергей, взял в руки гарнитуру, и, включив её в режим передачи, спокойно сказал:

– Всем, всем, всем! На связи старший лейтенант Лютый. Позывной «Лютик»! Я старший лейтенант, командир оперативной роты разведки ВДВ! Для исполнения поставленной задачи по освобождению пленных воинов – десантников мне пришлось силой захватить борт 059! Я гарантирую жизнь экипажу в случае исполнения всех моих требований. Любые попытки пресечь мои действия, могут привести к гибели экипажа и машины! Повторяю, любые попытки пресечения моих действий, приведут к гибели экипажа и машины. Мне терять нечего! Да, майор, представь, что мне терять нечего, кроме своих погон и свободы, – сказал он, отключив гарнитуру.

– Давай, майор, жми педали, пока нам по хлебалу не дали.... Сядешь в автопарке, моих бойцов заберем, а то они уже потеряли боевой дух, – сказал старший лейтенант, и, глубоко вздохнув, присел на место бортового техника.

Борт поднялся, поднимая клубы рыжей пыли и, на малой высоте пошел в сторону автопарка, его уже ждали разведчики. Пройдя в метре над забором с колючкой, он завис посреди парка и мягко опустился. Винт борта, закручивая своими лопастями, поднял пыль, скрыв на мгновение посадку десантников. Когда посадка была почти закончена и вертушка должна была взмыть в небо, к машине на полной скорости подъехал БТР. На его броне сидел командир полка полковник Мелентьев.

Он, словно последний сапожник, ругался матом, махая пистолетом. Спрыгнув с брони, полковник подскочил к борту. В это время из проема двери показалось лицо старшего лейтенанта. Глядя полковнику в глаза, он с улыбкой сказал:

– Саям алейкум, товарищ полковник. Вы с нами, или к жене под юбку?

Мелентьев, махая под носом старшего лейтенанта пистолетом, стал угрожать ему трибуналом. Сергей, улыбаясь, слушал семиэтажную брань на великом могучем языке русских классиков. Смыслом её было только одно: Трошев, трибунал, расстрел перед строем, враг народа.

Сергей прямо перед носом полковника закрыл двери и, пройдя в пилотскую кабину, спокойно сказал:

– Поехали, мужики, поехали! Мелентьев пожелал нам счастливого пути! – сказал Лютый, улыбаясь, и тронул за плечо командира «борта».

– Давай, майор, отваливаем, нам сейчас каждая минута дорога.

Вертушка поднялась в воздух и, оставляя за своим бортом разгневанного командира 104 полка ВДВ, взяла курс на Итум – Кале. Полковник, придерживая кепи рукой, с чувством какого-то отчаяния в предвкушении служебного несоответствия, высадил вслед борту всю обойму из пистолета «Макарова». Возможно, он хотел помешать старшему лейтенанту, а возможно это был всего лишь приступ бессилия перед тем, кто решил ценой своих погон и даже ценой свободы взять на себя ответственность за судьбы других людей.

Когда машина утонула в мареве синих гор, Мелентьев махнул рукой и, бубня сам себе под нос, сказал:

– Молодец, старлей, сукин сын! Вернётся, посажу, как, пить дать, посажу! Может его хоть тюрьма исправит, этого героя хренова! Что теперь докладывать Трошеву?

Глава пятая

Аверин

Вертушка уверенно пошла в направлении реки Аргун. Эти места пилотам были знакомы, как нигде, потому, что здесь им почти постоянно приходилось держать ухо и глаз востро. Духи облюбовали этот стратегический плацдарм. Дорога «жизни» была пробита в горах на высоте ста метров, и исключительно простреливалась со всех точек горного ущелья, промытого за миллионы лет рекой Аргун.

Внизу на протяжении всего ущелья лежали искореженные скелеты машин, БТРов, бензовозов. Многие уже были покрыты толстым слоем ржавчины.

Сколько ребят, сколько лучших сынов потеряла здесь наша Отчизна? Многие могли бы стать инженерами, поэтами, артистами. Не суждено было сбыться их мечтам вдали от своих семей, вдали от своих родных и любимых. Теперь подобно памятникам по всей дороге, как напоминание лежала ржавая техника, покрываясь пылью забвения.

Тогда в начале третьего тысячелетия не верилось, что уже через несколько лет вся это война останется лишь воспоминанием того национального позора, нахлынувшего на Россию после развала великой страны под названием СССР.

Борт, словно челнок, мотался по ущелью от одной стороны к другой, а на особо опасных местах, где проходили тропы боевиков, веером отстреливал тепловые «ловушки».

Как и предполагал Лютый, боевики, зная о ротации войск, основные свои силы сосредоточили севернее Грозного. А здесь в нескольких километрах от Грузии в живописном ущелье реки Аргун была вотчина Рамзана Кадырова, который клятвенно обещал Президенту России, что в этом месте ни с одного русского солдата не упадет даже волос. Днем было так, но приходила ночь и все менялось. Пули снайперов уносили жизни десантников и «собак», как бандиты окрестили бойцов внутренних войск. Это были непримиримые полевые командиры, воспитанные на принципах ислама, восходящих от Мухаммеда аль – Ваххаби, для которого война была методом продвижения ислама на север.

– Мужики, садимся на том плато, – сказал Лютый, показывая на небольшую площадку, – я надеюсь, что мои прогнозы по поводу утраты бдительности боевиков оправдаются. Ровно через двадцать четыре часа мы встречаемся в районе села Нихалой. Я, когда выведу туда свою

группу выйду на связь. Передайте полковнику Мелентьеву, что я вернусь, обязательно вернусь. Пусть готовит рапорт в трибунал, я отвечу по всей строгости закона, – сказал Лютый, без всякого чувства сожаления.

Борт, накренившись на один бок, зашел на посадку. Небольшая площадка среди скалистой местности была единственным местом, где можно было выбросить десант.

Сделав горку вниз, вертушка зависла в метре над скалой. Десантники по одному стали покидать машину, мгновенно принимая боевую готовность, чтобы обеспечить другим беспрепятственную высадку и целостность воздушного судна.

Из борта на камни посыпались вещевые мешки с сухпайками, взрывчаткой и вооружением. Сергей последним покинул вертушку и, помахав рукой летчику, поднял кверху большой палец.

– Давай, Виталик, – услышал пилот в наушниках и, поднявшись над плато, МИ-8 словно дельфин, нырнул в Аргунское ущелье.

– Так, бойцы! Спускаемся в лощину! Там проведем рекогносцировку и решим организационные вопросы. Сержант Аверин в авангарде, направление – Юг. Я замыкаю колонну. Бегом, марш! – приказал старлей и, словно горный тур, заскакал с камня на камень.

Десантники стали следом за командиром спускаться в лощину. Впереди протекала небольшая речка, которая настолько прогрызла каменное дно, что углубилась на пару десятков метров в толщу каменной породы. Ручей этот впадал в реку Аргун, которая особым полноводием не отличалась. Как и все горные речки, она была неглубока, но стремительна, с огромным количеством перекатов и подводных камней.

Кусты, тростник и деревья с ветками, свисающими до самой воды, вполне могли быть временным пристанищем и укрытием от посторонних глаз.

Старлею нужно было выработать стратегию и тактику, намеченной его планом операции. От этого места до объекта оперативной разработки было примерно около десяти километров. Высота, находившаяся на уровне хребта Хача, позволяла группе прикрытия держать связь с её основной частью, которая должна следовать по горной тропе чуть ниже.

Собравшись в ручье под пологом деревьев и скал, сержант выставил боевое охранение.

Десантники своё дело знали профессионально. За время службы они прошли хорошую школу войны на Кавказе под командованием старшего лейтенанта Лютого, который стал легендой второго этапа чеченской войны. Легендарный араб Хаттаб за голову простого лейтенанта платил 250 тысяч долларов США. Боевики иного генерала оценивали в меньшую сумму, а значит, значит, этот лейтенант был не так прост, как могло показаться неискушенным наемникам, которые на этой войне делали свой гешефт.

Лютый подошел следом в тот момент, когда десантники уже присели в ожидании командира. Некоторые закурили в предчувствии большого перехода, и пока шел перекур, еще раз проверили свою экипировку.

– Так, бойцы, задача такая, нам необходимо выйти на рубеж аула Ведучи, где по донесению нашей агентуры, находятся пятеро наших пацанов, захваченных в плен еще пару месяцев назад.

– Командир, а ведь речь шла о селении Тасбичи, – переспросил сержант Аверин, – село Ведучи находится на другой стороне хребта.

– Аверин, в штабе на террористов работает крот.. Если бы я обмолвился о месте проведения нашей контр террористической операции, то еще, не долетев до места, об этом бы знали люди Хаттаба. Нас бы сейчас встречали со всеми почестями. А так они там, а мы здесь. Они думают, что мы пойдем на Тасбичи, а мы через хребет идем на Ведучи. Я приказываю силами взвода, используя складки местности, постараться подойти вплотную к селению Ведучи еще до наступления темноты. Необходимо визуально определить предполагаемое местонахождение пленных. Нам также нужно вычислить дом местного авторитета, где их держат. Нашему

взводу предстоит устроить этим ублюдкам напоследок настоящую «Варфоломеевскую ночь». Чтобы они всю оставшуюся жизнь, суки, помнили российский десант и нашу шестую роту.

Вслед за приказом послышались закрученные рулады ядреного русского мата. Да такого отборного, что разведчики засмеялись, удивляясь командирскому красноречию.

Ближе к наступлению темноты, как и предполагал план старшего лейтенанта Лютого, десантники заняли доминирующие высоты над селом. Включив радиостанции в режиме сканирования, Лютый стал прослушивать весь радиообмен боевиков. За два года он уже сносно научился разговаривать и понимать чеченский язык. Боевики, зная, что русские уходят домой, расслабились и, не обращая внимания на радиоразведку, трепались в эфире, словно на сходняке у Хаттаба. Рассматривая село в тепловизор, на глаза Лютому попали двое парней в российском камуфляже. Возле них сидели два горца с автоматами в натовской униформе. Эти мелкие подробности, словно разрозненные пазлы, складывались в понятную ему картинку.

Пленные как-то нелепо выполняли работу, и явно смотрелись на этом фоне белыми воронами. Передавая наблюдение своим бойцам, Сергей стал далее просматривать всю оставшуюся местность. Ему нужно было даже по незначительным приметам определить местонахождение дома Саида, чтобы нанести удар в самое сердце террористического логова. Сейчас Сергей сожалел, что ему не довелось расспросить агента о местонахождении местного авторитета. Вдруг внимание Лютого привлек большой дом, который был крыт не крашеным оцинкованным железом. По всей вероятности, это и был дом знаменитого Саида, который делал бизнес не только на продаже оружия, наркотиков и боеприпасов, но и торговал рабами из числа захваченных пленных. На крытой веранде, что была пристроена к дому, Сергей рассмотрел странных людей. Их камуфляж отличался от камуфляжа боевиков, напоминая форму грузинских спецслужб. Они что-то обсуждали между собой, распивая, как водится, горячий зеленый чай.

С уходом солнца за горы становилось прохладно. На веранде загорелась лампочка, и теперь лица гостей Саида, можно было рассмотреть через оптический прицел.

Мужчина в бордовом велюровом халате встал и вошел в дом. Через несколько минут он вышел, держа в руках какие-то пакеты. Он демонстративно подбрасывал их перед гостями и что-то говорил. Трое военных в камуфлированной форме грузинской армии встали. Сергей заметил, что у одного из них в руках мелькнул кейс металлического цвета фирмы «Peli». Из фильмов Сергей знал, что американцы любят такие кейсы для перевозки денег. «Peli – 1200» был специально разработан фирмой. В него пачками сто долларовыми купюрами вмещалось ровно миллион долларов.

Судя по радиообмену за последний час, Сергей выяснил, что духи действительно довольно сильно расслабились. В боевом охранении у них задействованы считанные единицы. Сейчас он вспоминал Тинова, который ушел на дембель год назад, за это время лучшего пулеметчика, чем этот дагестанец, у него не было, да и вряд ли теперь будет. В такие минуты необходим был очень надежный и проверенный солдат, который в случае непредвиденных обстоятельств мог заменить командира и любой ценой выполнить поставленную задачу.

Установив на радиостанции рабочую частоту, Лютый, вышел на связь:

– «Лютик» на связи, общий сбор..

Минут через десять в обозначенном месте появились бойцы, которые прибывали, потревоженные приказом командира.

– Так, господа парашютисты, что мы имеем? Кто что видел, доложить четко и коротко! – сказал командир.

Старшие десантных групп стали докладывать обо всем, что видели, слышали и о чем просто догадываются по причине своей подготовки.

Согласно полученной информации старшему лейтенанту прорисовывалась довольно четкая картина, которая тут же в его голове обработалась в необходимый для действий план.

По сведениям разведчиков пленные находились в яме, прикрытой металлической решеткой. Возле неё дежурил вооруженный РПК боевик. Он особого рвения к службе не испытывал, полагаясь на спокойствие этих мест, удаленных от Урус – Мартана.

Из сведений остальных старших групп дом Саида располагался именно там, где его видел сам Лютый.

Как стало известно, в поселок приехали американские советники, которые обучали грузинскую армию ведению войны против русских. Вероятно, что они просто хотели приобрести здесь партию героина. Иногда янки любили к своей хорошей зарплате приработать еще по несколько миллионов долларов, несмотря даже на строжайшее наказание со стороны американского закона. Все они прибыли из Грузии на «Хаммере», который сейчас стоял за каменным забором во дворе Саида.

– Так, ребяташки, работу делаем быстро и чисто. Как говорил Папанов – «без шума и пыли». Смирнов, Мальцев убрать охранение. Аверин, ты со своим отделением прикрываешь основную группу. Касается всех – стрельба только с ПБС. Для боевиков должна стать сюрпризом не сегодняшняя ночь, а завтрашнее утро. После акции встречаемся за селом, по дороге на Итум – Кале в месте слияния рек Аргун и Хачаройахи. Отделение Мальцева следует на захваченном «Хаммере» в направлении Итум – Кале, мы прикрываем их отход. Аверин, ты со своим отделением уходишь в горы и движешься в направлении села Тасбичи. Нам нужно разделиться, чтобы сбить боевиков с толку. Встречаемся рядом с Итум – Кале в месте слияния Аргуна с этой речкой, хрен выговоришь!? Пока Мальцев доедет до места нашей встречи, мы уже будем там. Через перевал тут километров пятнадцать, а по дороге все шестьдесят будут.

– Товарищ старший лейтенант, а если мы все на этом «Хаммере», так же быстрее будет?

– Аверин, где ты видел такой «Хаммер», чтобы в него пятнадцать человек вместились? Это мухи свежее дерьмо облепляют, а не разведчики, ты меня понял!? Пока мы этой кучей будем ехать, как цыгане на свадьбу, духи нам через этот же перевал перекроют дорогу. А там где мы собирались встретиться, они, мать твою, встретят нас гранатометами, а не глазированными пряниками.

– Командир, там во дворе одного дома стоит наш 131-ЗИЛ, может мы все на нём и выскочим!? – спросил Аверин, стараясь убедить командира.

– Вот пусть они на ЗИЛе и едут. Мы им его сейчас набьем пластитом, и пускай духи напоследок покатаются! От силы они километров пять проедут, а тех, кто пойдет через перевал, мы встретим кинжальным огнем. Ты, Аверин, уже почти дембель, до приказа меньше месяца осталось, а воевать за два года не научился. Необходимо просчитать все ходы боевиков, – сказал Лютый. – Так, мужики, через час выступаем, всем работать тихо и аккуратно. Смирнов, как уберете охранение, ЗИЛ начинить так, чтобы от него только молекулы остались, да воспоминания в памяти внуков.

– Так точно, товарищ старший лейтенант, сделаем, как Родина – мать нас учила! Вы, ведь так говорите? – ответил сапер – подрывник Смирнов.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, – так всем ясно? А пока перекур, бойцы. Пусть духи немного расслабятся. Задача всем ясна? – спросил старлей, закуривая.

Долго отдыхать не пришлось. Ночь в горах приходит почти мгновенно, и уже минут через сорок было так темно, что без приборов ночного видения просто невозможно было работать.

Разбившись на три группы, разведчики в кромешной темноте, словно привидения, бесшумно спустились в аул. Уже через несколько минут лай собак начал стихать. Лишь раз, вместо лая, раздался жалобный визг, но мгновенно затих.

Сергей со своей группой двигался в направлении дома Саида Аргунского, так прозвали его за барские выходки единоверцы. Проследовав в закрытый двор, разведчики бесшумно сняли двух боевиков из внешней охраны, перерезав им ножами глотки, как это умеют делать настоящие горцы. Боевики рвением к службе не страдали и за игрой в «тамагочи» просто

делали вид, будто бдительно несут охрану. Находясь на своей территории, они были уверены в том, что никто не сможет посягнуть на владения самого Саида.

За дверьми дома были слышны разговоры. Лютый, жестом обозначил свои действия и группа, растворившись, замерла в ожидании. Командир, словно призрак, скрылся за домом, через мгновение потухла лампочка, висевшая на веранде. Весь двор погрузился в кромешную темень и лишь только звезды, крупные и «жирные» висели над селом, как и многие миллионы лет. Их холодный свет пробивался через мрак, высвечивая лунный каменистый ландшафт.

Ругаясь, из дома вышел один из боевиков. Он, ничего не подозревая, пошел в сторону сарая, стоящего во дворе. По всей вероятности, там находились пленные, потому что его руки были заняты кувшином и каким-то свертком, в котором, как предполагалось, была еда. Один из десантников скользнул следом и когда боевик открыл двери, тупой стук металла о голову дошел до ушей лейтенанта. Через несколько секунд из дома вышел другой боевик, держа автомат наготове. Дух встал на веранде, осмотрел в прибор ночного видения всю окрестность, пристально глядя в темноту ночи.

– Шамрат! – окликнул он, и направился в сторону сарая, куда ушел первый боевик.

Из – за угла дома доносилось странное мычание, будто отвечал человек, который был занят ремонтом техники. Дух, ничего не подозревая, двинулся на звук и тут же получил удар ножом в горло. Боевик захрипел, и кровь с клочкотанием хлынула из горла. Ноги его подкосились, и он рухнул лицом в землю. Из-за угла, как ни в чем не бывало, вышел старший лейтенант Лютый. Он какой-то ветошью вытер нож от крови, и тут же подал знак, что десантники могут следовать за ним внутрь дома. Подав бойцам сигнал на прикрытие, он спокойно по – хозяйски вошел в дом. Сергей знал, что здесь он был гость непрощенный и неожиданный, но вряд ли, кто будет перечить ему, потому что он теперь хозяин положения. За ним сила. За ним справедливая кара за зло.

Удивлению хозяина при появлении новых гостей не было предела. Он на мгновение опешил, увидев лица славянской национальности. Американцы, вида, что испугались, не показали, а старались вести себя нагло, будто за их спинами стоит знаменитый авианосец «Мидуэй», который першингами прикроет их. Лишь только удар русского рантового ботинка в челюсть советника сразу же поставил американцев на место. Это был не штат Айова и не Колорадо. Это была Россия и здесь их могли спросить за вторжение на чужую территорию. Они мгновенно осознали, что перед ними настоящие русские, которые ни авианосцев, ни першингов, ни разгневанного дядюшки Сэма не боятся.

Сергей дабы избежать лишних жертв мудрить не стал, а заставил американцев исполнять его требования. Двое разведчиков профессионально шустро разоружили «крутых» рейнджеров, которые начали что-то лопотать по-английски, показывая пальцами на свою непричастность к хозяину, после чего затащили на запястьях пластиковые «браслеты».

Лютый, смотрел на них глазами абсолютного равнодушия. Представители великой американской нации сидели перед ним, словно нагадившие котята, понуриив головы. В эти минуты Сергей представил, что будут говорить эти советники своим боссам, когда вернутся в свою Америку. Он знал, что для военных это конец карьеры, ведь они задержаны не на войне, а за вторжение на территорию другого государства....

Саид Аргунский сидел на своих подушках, скрестив под собой ноги. Он нервно перебирал четки и понимал, что на этот раз русские пришли по его душу и теперь ему придется ответить за тех, кто сидел в его каменном сарае и в зиндане. Саид проиграл и точно знал, что остаться в живых в этой ситуации ему не светит. Теперь ему просто стоит молить Пророка или Аллаха о быстрой, а не мучительной смерти. Саид Аргунский впервые увидел перед собой грозу бандитского подполья – Лютого, и поэтому уже не надеялся ни на его милосердие, ни на свой статус крутого в этом районе перца.

За голову старшего лейтенанта Сергея Лютого арабом Хаттабом была назначена цена в двести пятьдесят тысяч долларов. За такие деньги вполне можно было найти и какого –нибудь русского киллера, кто польстился бы на такую сумму, но с Хаттабом никто связываться не хотел. Все, зная его подлую натуру, были уверены, что он может за проделанную работу рассчитывать не твердой монетой, а фальшивыми долларами.

Бойцы стояли у выхода и улыбались, созерцая, как их командир морально издевается над американцами. Другие уже прочесывали хоромы местного босса, в поисках запрещенных к гражданскому обороту предметов.

Лютый, расположился рядом с хозяином на его подушках. Он, молча, разглядывал лица американских советников, которые к тому времени уже стояли на коленях посреди комнаты. С чувством презрения Лютый выплевывал виноградные косточки в сторону янки, стараясь даже такой мелочью унижить их самолюбивое «великое американское» достоинство.

– Господа американцы, мы к вам никаких претензий не имеем.... Пусть вами занимаются федералы из ФСБ. Поэтому ваша жизнь вне опасности по причине статуса нарушителей государственной границы России! Для нашей безопасности мы забираем ваше оружие и этот чудесный чемоданчик, в котором, наверное, хранятся деньги господина Сороса, что вы хотели потратить на дестабилизацию обстановки в России.... Я специально пришел за этими деньгами, потому что завтра уезжаю к себе домой в Россию, а моя жена хочет себе купить шубу! Ферштейн?

Бойцы, услышав подобные шутки, дружно засмеялись:

– Товарищ старший лейтенант, они только по-английски понимают, а вы им тут на немецком трёте! – сказал сержант Ларионов, присаживаясь рядом к накрытому столу.

– Жить захочешь, будешь и китайский понимать. Америкосы, брат, в своих учебках тоже русский изучают, чтобы потом допрашивать таких, как мы с особым пристрастием, – сказал старший лейтенант, наводя на десантников ужас, – они просто делают вид, что не знают русского языка. А тогда за каким хреном они пересекали границу России, чтобы посмотреть местные достопримечательности?

В дом вошла группа сержанта Аверина, который доложил, что пленные найдены и освобождены. Лютый подошел к советникам и стал производить ревизию их широких армейских карманов, выбрасывая на пол всякие побрякушки и документы. Изъяв сигареты, доллары, презервативы, швейцарские армейские ножи, очки, зажигалки, он увидел на руке полковника золотой «Ролекс». Сергей, радуясь, как ребенок своей находке, улыбаясь, снял часы и, примерив на свою руку, показал бойцам. Десантники одобрительно покачали головами, оценивая удачный трофей командира. После демонстрации, он снял свои «командирские», и сунул заграничному советнику в карман. Похлопывая его по груди, словно закадычный и лучший друг, старший лейтенант с иронией сказал:

– Зис ист сувенир, ченьч камрад, ферштейн!? – вспоминая английский, сказал старлей, мешая его с немецким. – Этим сувениром будешь потом хвастаться. Ай эм Сергей Лютый аирборн раша.... Это часы самого Лютого. Зис май оклок, ай эм аирборн рейнджер! Тебе, дурак, на аукционе «Кристи» за них миллион дадут, ферштейн, уан мильон долларс.

Разведчики от души смеялись, наблюдая, как командир общается с иностранными советниками сразу на трех языках. Те безропотно сидели, словно овцы, лишь изредка поднимая глаза на своего визави, когда тот переходил на английский язык. По взгляду американцев было видно, что вдали от своей родины они не спешат умирать, да и не спешат показать свою «героическую» натуру, которая еще со времен великой отечественной войны была известна каждому советскому школьнику.

– Слушай приказ! Десять минут вам на изъятие трофеев в качестве моральной и материальной компенсации. Сегодня разрешаю брать всё, вплоть до роялей и мебельных гарнитуров. Это воины наш последний рейд за трофеями. Через 72 часа, мы уже будем дома. Всё, конец

этой проклятой командировке! – сказал Сергей, улыбаясь, рассматривая золотой «Ролекс» на своей руке.

Один из солдат нашел японский фотоаппарат «Canon». Желание сфотографироваться на фоне пленных американцев было таким необузданным, таким неудержимым, что Сергей, как командир не мог удержать своих подчиненных. Десантники поочередно занимали места на фоне американцев, пока пленка не подошла к концу.

Американцы даже в кошмарных снах не могли видеть себя в роли аниматоров, которые для русских десантников станут не пленными с особым статусом, а простой антуражной принадлежностью. Кто из них мог представить, что их рожи станут не достоянием доски почета в военной академии США, а займут место в дембельских альбомах простых русских парней, которые оказались намного круче, чем они могли себе это представить.

Сергей, созерцая за фотосессией со стороны, не мог удержаться от соблазна и свою персону запечатлеть на фото. У него тоже был альбом, и ему захотелось хоть иногда показать друзьям испуганные лица легендарных американских «зеленых беретов», которые почему-то теряли боевой дух при виде простого русского солдата.

Как правило, вся территория врага командиром отдавалась на изъятие контрибуции. Бойцы знали, что все равно все это добро после операции взлетит на воздух. Допущенная командиром конфискованная компенсация должна уместиться только в карманах, поэтому мародерством это не считалось. Сегодня улов был исключительно удачный: фотоаппарат, видеокамера, приемники, магнитофоны, золотые украшения и много – много долларов.

Собрав пленных в кучу в одном углу, разведчики без всяких церемоний перешли к традиционной трапезе «за счет заведения». Так говорил командир, разрешая бойцам перекусить всем, чем был богат дом «гостеприимного хозяина».

Шикарный стол, накрытый для дорогих американских гостей, радовал глаз изобилием чеченской кухни. Плов, шашлыки, лепешки, дыни, огромное количество фруктов мгновенно были уничтожены уставшими и голодными десантниками и пленными, которые рвались расправиться с Саидом Аргунским.

Как Сергей и предполагал, среди пленных действительно оказался его однокашник по военному училищу. Старший лейтенант Лазарев сразу же узнал Лютого. Он кинулся обниматься, и в тот момент, когда руки Сергея сомкнулись на его плечах, Лазарев выхватил из кобуры старлея пистолет. В мгновение ока, передернув затвор, хотел было разрядить его в Саида, но Лютый успел выбить его из руки освобожденного десантника. Два выстрела прогремели в доме и пули прошли стоящий на столе серебряный кувшин.

– Ты что, Юрка, делаешь?! – заорал Лютый, выкручивая у него оружие.

– Дай, мне. Дай мне, я застрелю эту суку. Ты же не знаешь, что это за тварь такая! – орал Лазарев. – Да он же с наших парней с живых кожу ремнями резал за то, что они убежать хотели. Эта тварь собаками людей травил, а ты... .

– Я, Юра, понимаю тебя и обещаю, что именно ты убьешь Саида. Только это должна быть такая смерть, про которую в Чечне будут слагать легенды. Американцы должны обосраться от страха, увидев казнь этого урода, чтобы навсегда забыть дорогу в Россию.

Лазарев встал на ковре на корточки и заплакал. Впервые Сергей Лютый видел, как плачет его друг. Плачет от того, что он бессилен убить того, кто виновен в смерти десятков русских парней.

– Юрка, я обещаю тебе, что именно ты и никто другой будешь той карающей десницей, которая исполнит святую месть.

В эту минуту Лазарев еще не знал, что Лютый ради него пошел на должностное преступление. Он не знал, что его однокашник перессорился со всем командованием группировки на Кавказе и даже захватил борт, чтобы вытащить из плена этих парней, которые сейчас уплетают за обе щеки торжественный ужин Саида Аргунского.

Дело было сделано и пора было уходить. Чтобы американские гости были приятно поражены «широтой славянской души» и редкой «гуманностью» русских десантников, Сергей дал волю пленным рассчитаться с Саидом.

На глазах советников из США в рот Саиду с особой «нежностью и человеколюбием» Юрка Лазарев вставил гранату «РГД – 5»*. К её кольцу он привязал проволоку. Конец проволоки был прикреплен к входной двери. Все было подготовлено таким образом, что взрыв гранаты должен был произойти внезапно от руки вошедшего в дом единоверца. Шея Саида еще была вдобавок обмотана тремя витками детонирующего шнура, конец которого шел в подвал, где к нему примыкала тротиловая шашка. Та, в свою очередь была вставлена в огромное количество взрывчатки и минометных мин, перемешанных разведчиками с наркотиками.

Подобного добра в подвале дома идейного вдохновителя, бандитского подполья Аргунского ущелья Саида было вволю. Эффект «праздничного» пиротехнического шоу должен быть исключительно максимальным, чтобы повергнуть боевиков в состояние паники и дезорганизации, а самим иметь возможность уйти без всяких потерь.

Когда минирование рассадника зла было завершено, американцев вывели во двор и, заклеив им рот скотчем, опустили в зиндан, где ранее находились пленные. Напоследок янки старались вывернуться, что-то мычали, но десантники пинками загнали советников, которые после этого покорно спустились на дно ямы.

– Всё! Уходим все, согласно намеченному плану. Освобожденных в машину. Прикрытие – отделение Мальцева. Мы идем через горы. Судя по времени, у нас запас часа четыре, при всем желании они уже не достанут нас. Аверин, что с ЗИЛом? – спросил Сергей.

– Двенадцать килограммов пластита, товарищ старший лейтенант. Уложены без явных следов минирования, – отрапортовал Аверин.

– Сергей, разреши я пойду с тобой, – попросил лейтенант Лазарев, – я могу держать в руках оружие.

Лютый, отвел старшего лейтенанта Лазарева в сторону и тихо сказал:

– Юра, давай без пафоса.. Оно тебе надо? Или ты мало времени провел в рабстве? На вот, держи. Нажмешь эту кнопку тогда, когда мы встретимся в районе Итум – Кале. Я же обещал, что Саид будет твоим, – сказал Лютый, протягивая Лазареву спутниковый дистанционный пульт управления зарядами, похожий на мобильный телефон.

Друзья по училищу обнялись и Лазарев, запрыгнув в «Хаммер», помахал Сергеем рукой. «Хаммер» урча мотором, выехал со двора Саида и, поднимая пыль, покати́л в сторону Итум-Кале по грунтовой дороге, по которой в бытность советов курсировали трудяги – автобусы ПАЗы.

Духи вряд ли могли что-то заподозрить. Они знали, что хозяин принимает заокеанских друзей, которые снабжают басмачей настоящим американским оружием.

В это время десантники, вытянувшись в цепь, скрылись в сумраке ночи и подобно привидениям растворились в кустах предгорья. Тропа вела в сторону села Тасбичи.

Караван разведчиков вышел в направлении перевала. Как всегда сзади в прикрытии шел лейтенант Лютый, который был в ответе за своих бойцов.

Очень редкий случай, когда он со своими бойцами возвращался из рейда с потерями. Всегда во все времена Лютый требовал у своих подчиненных четкого исполнения всех его установок. В учебное время десантники его роты тренировались до полного изнеможения. За эту выучку они были позже благодарны своему командиру. Подобные уроки не раз в бою спасали им жизни.

Вдруг всю долину, где стояло село, осветила огромная яркая вспышка света. Через несколько секунд прокатилось звучное эхо взрыва, которое напомнило своими раскатами весенний гром.

– «Не удержался Юрка», – подумал Сергей, вспоминая, как тот хотел уничтожить Саида.

Четко отсчитав время вспышки и дошедшего звука, Сергей в своем «компьютере» рассчитал расстояние, которое они с бойцами примерно прошли. Картина оказалась неутешительная – от села до них по прямой, было примерно, около трех километров. Необходимо было прибавлять темп, но это проблем не решало. Была одна надежда, что духи, лишенные своего командира, рванут в погоню за «Хаммером» на ЗИЛе. Во взрыве своего босса они должны были заподозрить только американцев.

В надежности минирования «ЗИЛа» Лютый, сомневаться не мог. Ведь это не просто профессия сапер, это было настоящим хобби русского десантника Аверина. Тот никогда не упускал возможности устроить такую закладку, которые даже опытные саперы не могли снять.

В четко обозначенное время группа войсковой разведки ВДВ вышла к месту своего соединения с отделением сержанта Аверина.

К удивлению Лютого «Хаммера» еще не было. Какое-то тревожное чувство закралось в его сердце. Потянулись томительные минуты ожидания. Бойцы распределились по ущелью и расстановкой своих огневых позиций создали хорошо простреливаемый «мешок». Как и предполагал старлей погони за ними не последовало. Вероятно, духи кинулись по пути наименьшего сопротивления. Это означало, что с минуты на минуту нужно было ожидать машину.

– Новиков, мать твою, связь!!! – сказал командир, обращаясь к радисту.

Боец, исполняя приказ командира, тут же настроил станцию на нужную частоту. Новиков был уже настоящий «дед». Прослужив с Лютым, полтора года, в отличие от первых дней своей службы он теперь радиостанцию из рук не выпускал. В случае боевого столкновения ему даже приходилось прикрывать её своей грудью. Теперь он точно знал, что связь это не просто нервы армии, которые необходимо беречь пуще своих собственных, связь – это жизнь.

– Товарищ старший лейтенант, связь есть, очень устойчивая.

– Свяжись с Авериным, узнай, где они.

– Есть! – сказал Новиков, и мгновенно связался с «Хаммером».

Услышав голос сержанта, Новиков от имени командира попросил доложить обстановку. После небольшого радиообмена месторасположение «Хаммера» было установлено и, судя по устойчивости связи, было заметно, что они находятся в пределах нескольких километров.

Пока еще было время до встречи группы Аверина, Лютый достал из вещмешка американский кейс и, положив его на колени, с любопытством заглянул в содержимое. Ровными рядами банковских упаковок там лежали новенькие доллары, которые радовали органы обоняния запахом свежей типографской краски.

Лютый, еще не знал, были ли это доллары за работу против нашей армии или же оплата за крупную поставку героина. Вот только сейчас на данном этапе это уже не имело никакого значения.

Через несколько минут показалась ожидаемая машина, которая остановилась в точно обозначенном месте. Из кабины показался сержант Аверин, и доложил по форме подошедшему командиру:

– Мы сделали их, товарищ старший лейтенант! – сказал сержант, улыбаясь.

– Рано радуешься, сержант, говорить об успехах нужно дома на базе за стаканом водки. Я тебе обещаю, если мы выберемся, то я буду наливать, – сказал Лютый, предчувствуя, что над группой сгущаются тучи.

Старлей включил радиопередатчик и, выйдя на связь, приказал всем бойцам срочно собраться возле машины. Через несколько минут, облепив «Хаммер», словно пчелы соты вся группа двинулась в сторону Итум – Кале.

Необходимость срочно покинуть этот район была продиктована подрывом ЗИЛа с боевиками, которые кинулись в погоню за «Хаммером». Сергей чувствовал, как волны бандитского радиообмена сейчас опутывают всю южную сторону Кавказских гор. Сотни и тысячи стволов пришли в движение. Место, куда должен сесть борт, находилось всего в тридцати километ-

рах, и Лютый внутренним чутьем дикого зверя чувствовал, что эти километры могут стать для группы последними.

– Зеленое знамя пророка на антенну, – приказал он, – группе – боевая готовность!

Десантники, следуя приказу командира, стали готовиться к огневому контакту. Разгрузка моментально пополнилась боеприпасами из вещевых мешков и бандитского резерва, изъятого у Саида Аргунского.

В душе Лютого тлела надежда, что вертушка федералов уже готова вылететь за ними, а радикалы еще находятся в состоянии оперативной готовности. В отличие от федералов им ничего не нужно было согласовывать со штабом и это увеличивало их оперативность.

До обозначенного времени погрузки в вертушку оставалось около 3 часов, а это время могло преподнести такие сюрпризы, что вся операция по освобождению пленников и уничтожению Саида была бы сведена на нет. Здесь в Аргунском ущелье почти в каждом селе были свои военизированные бандитские группировки, которые вряд ли позволят безнаказанно уйти русским парням с такой кучей долларов. И дело сейчас обстояло не в том, что бандитам нужны десантники, им нужны те деньги, которые сейчас были у Лютого. Да и голова старшего лейтенанта Сергея Сергеевича Лютого была тоже в цене. Четверть миллиона долларов была необыкновенно привлекательной приманкой, чтобы не попробовать рискнуть ради этих денег.

Сергея эти перспективы радовать не могли. Чеченские радикалы могли сделать все, чтобы остановить десантников и расстрелять ради мести и денег.

Во время учебы еще в военном училище ему доводилось изучать опыт действия специальных подразделений стран мира. Тактическое решение Германии по захвату Бельгии времен войны здесь в Чечне, как нигде, могло принести сейчас свои плоды. Бандиты в истории войны 1941–1945 года были в массе своей не сведущи, и вряд ли могли знать о немецком «тройном коне». По такому принципу старший лейтенант Лютый и решил построить свою тактику и стратегию в прорыве бандитского кольца.

Информация о нападении десантников федеральных сил на дом Саида средствами радиосвязи мгновенно была распространена по всему югу Аргунского ущелья. В течение последних трех – четырех часов все полевые командиры этого региона уже были под ружьем, и контролировали почти все дороги, тропы и перевалы.

Впереди в районе Итум – Кале, их могла поджидать вооруженная группа Адамхана и Байали Дадашевых, которая на данный момент имела в своем составе почти двести стволов.

Байали Дадашев был одним из самых «отмороженных» полевых командиров в этом районе, который такого подарка, как миллион долларов упустить не мог.

Лютый, в своем мозговом компьютере прокручивал все возможные схемы выхода из этой ситуации, но в Аргунском ущелье все старания могли сойти на нет. Отсюда было только два выхода. Первый – идти на север в сторону Грозного, или второй – назад в сторону Грузии. Оба этих варианта имели риск столкнуться с бандитами и поставить точку в карьере группы. Нужно было менять тактику и раствориться в предгорье Кавказа, как умели растворяться в этих лесах чеченские радикалы.

«Хаммер» на приличной скорости двинулся по ущелью. Опасений подорваться на mine не было. Федералы, несмотря на удаленность этого района от Грозного, постоянно разминировали дороги и тропы, чем снискали уважение у местного населения. Разве только какой пропущенный саперами сюрприз мог уцелеть на обочине, дожидаясь своего часа.

Впереди за поворотом показалась «зеленка». Боевики любили использовать естественное укрытие в качестве боевых позиций. Десантники мгновенно «ощетинились» автоматами в ожидании первого выстрела. Как правило, выстрел снайпера всегда приходился по водителю, но сегодня цель была прикрыта толстым пуленепробиваемым стеклом. «Хаммер» в отличие от наших машин был довольно сильно бронирован, и поэтому только подрыв на mine или прямое

попадание гранаты из РПГ могли вывести его из строя. К удивлению разведчиков всё было тихо. Тишина эта была какая-то обманчивая, что особенно настораживало.

Старший лейтенант Лютый был офицером опытным и предпочитал учиться на ошибках других, не допуская своих. Всей своей кожей и спинным мозгом он чувствовал, что именно здесь, в этой «зеленке» скрывается что-то для группы серьезное.

– Стоять! – заорал он в гарнитуру, и «Хаммер» колесами намертво вцепился в грунтовую дорогу.

В это мгновение впереди машины разорвалась граната, выпущенная боевиком на опережение. Разведчики подобно тараканам мгновенно спрятались за «Хаммер», и рассредоточились в складках и расщелинах выступающих скал. Машина, словно гепард, поднимая шлейфы щебенки, прыгнула вперед, а очередная граната уже разорвалась сзади, лишь слегка обдав десантников жаром взрыва да кусочками битого камня.

Лютый засек место, откуда прилетела граната и моментально выпустил в то место короткую очередь. Первая пуля попала точно в лоб бандиту, который из РПГ старался попасть в «Хаммер».

Сергей включил радиостанцию и, отсканировав волну боевиков, вышел с ними на связь, представившись убитым неделю назад Мовсаром Бексултановым. На вполне сноском чеченском он вспомнил всех мусульманских и православных богов, напоминая для убедительности имя Хаттаба и Байали Дадашева, которые знают его лично. Стрельба затихла, и радикалы неуверенно стали выползать из своих укрытий. Это и был его «тройанский конь». Рядовые боевики вряд ли могли знать в лицо самого Бексултанова, слава которого, как лучшего сапера Хаттаба бежала по Чечне впереди него самого. Этого было достаточно, чтобы десантники кинжальным огнем уничтожили бандитскую засаду, которую те успели сделать после известия об ужасной смерти Саида Аргунского.

С такого расстояния они вряд ли могли разглядеть, что Лютый и вся его команда – славяне. Их камуфляж на какое-то мгновение притупил бдительность радикалов, за что они тут же поплатились своей самоуверенностью. Пять секунд скоротечного боя, и никто из них уже не мог встать на пути десантников.

– Прочесать местность! – приказал Сергей в микрофон.

Он вышел из-за «Хаммера» и занял оборону посреди дороги, держа автомат стволом вверх.

Десантники скатились к «зеленке» и приступили к осмотру места боевого столкновения. Невдалеке в старом русле, выбитом Аргунью среди зарослей ивняка, десанникам удалось обнаружить несколько лошадей. Вероятно, духи использовали их в качестве транспорта, и пришли они из ближайшего села. С лошадьми пребывал один из басмачей. В его руках не было оружия, поэтому в него никто из ребят стрелять не стал. Подняв руки, он сдался разведчикам в плен.

Сергей, зная, что времени остается в обрез, приступил к допросу чеченца. Тот прикидывался простым селянином, нанятым бандитами как хозяин этих лошадей, которых он выращивает для бизнеса.

– Сергей, я не верю ему, – сказал Лазарев, глядя на то, как Сергей начал утрачивать бдительность. – Нам уходить надо, а не размазывать тут сопли.

– Ты знаешь куда? – переспросил Сергей, глядя в глаза старшему лейтенанту.

– Надо прорываться к Итум – Кале, тут километров десять осталось, – ответил ему Лазарев.

– Вот эти десять километров и станут последними в твоей, Юра, жизни. Духи блокировали нам все отходы к Грозному. У нас в руках миллион баксов и нас просто так из Аргунского ущелья не выпустят. А еще я скажу тебе, что это я командую группой и я здесь принимаю

решения. Твоя задача, старший лейтенант Лазарев исполнять мои приказы и не мешать мне, думать.

Сергей взял за грудки чеченца и, подтянув его к себе очень близко, пристально посмотрел ему в глаза:

– Слушай, нохча, нам нужна твоя помощь. Нам нужен проводник, чтобы обойти Итум – Кале по горам. Я больше чем уверен, что ты знаешь тут все местные тропы. Я заплачу тебе десять тысяч долларов, чтобы ты мог спокойно вернуться домой.

Услышав про десять тысяч долларов, глаза чеченца загорелись.

– Я, русский, покажу тебе все тропы. Я доведу тебя, куда твоей душе будет угодно. Бери моих коней, бери меня, и я поведу тебя.

Сергей открыл планшет и, достав карту, показал место, где они находятся, и место, куда нужно было попасть десантникам.

Чеченец одобрительно закивал и промолвил:

– Я, русский, знаю это место. Два часа и мы будем там.

Столкнув с дороги в Аргун американский «Хаммер» с грузинскими номерами, десантники пересели на конный транспорт, который был более адаптирован к местным условиям.

В авангарде каравана уверенным шагом шел чеченец, который выдавал себя за бедного вайнаха. Он говорил Лютому, что у него на выданье три дочери. Он думал, что после того, как они перебьют федералов, он сказочно разбогатеет и сможет достойно выдать их замуж.

Лютый ехал на коне в хвосте каравана, прикрывая его от возможного нападения. Сергей не доверял проводнику, ощущая спинным мозгом какой-то подвох. Впереди, следом за проводником на расстоянии нескольких метров ехал старший лейтенант Лазарев. Он держал автомат наготове, чтобы у проводника не возникло искушения вывести группу на засаду боевиков. Согласно показаниям навигатора направление движения колонны совпадало с маршрутом проводника и это уже радовало Сергея. До встречи «вертушки» оставалось не более трех часов, и колонна двигалась без ускорения.

Поднявшись на вершину, командир объявил привал. Нужно было связаться с базой, чтобы вызвать вертушку. Сергей предполагал, что это мероприятие будет неприятным по причине его самодеятельности, но у командования не было иного выбора. Больше двух десятков человек в месте, которое не контролируется федеральными войсками, могли вызвать у военных прокуроров нездоровые вопросы к руководству полка.

– Новиков! Связь!

Солдат, раскинув антенну, стал подстраивать станцию. Когда связь была налажена, он передал гарнитуру командиру.

– «Тайфун», «тайфун», я – «лютик», ждем вертушку! Координаты группы указаны шифрограммой. Идем домой. Повторяю, идем домой! – Сергей назвал серию цифр, двигая пальцем по карте.

По окончании связи караван вновь выдвинулся в нелегкий путь.

Разведывательная группа под командованием Лютого очередной раз выходила без потерь. Если не считать ссадины и легкого осколочного ранения у одного бойца, освобожденного из плена, то это можно было назвать настоящей удачей. Он просто покинул машину во время обстрела, и раздробленный взрывом камень попал ему в плечо.

Через пару часов вся группа разведчиков вышла к условному месту. Спешившись, десантники заняли высоту согласно боевому порядку.

Где-то вдалеке, в Аргунском ущелье послышался звук борта. Сергей вытащил ракетницу и выстрелил в воздух красной трехзвездной ракетой, чтобы пилоты могли засечь направление. Оглядевшись, он тут же следом поджег дымовую шашку оранжевого дыма. Борт, сделав контрольный круг, для полной уверенности отстрелил серию противоракетных ловушек. Снизившись над вершиной горы, он мягко коснулся колесами поверхности, которая была покрыта

травой и мелким кустарником. Десантники погрузились. Прикрывать группу остался старослужащий сержант Аверин.

Сергей открыл кейс и достал из него обещанные десять тысяч долларов. Он рассчитался с проводником и, пожав ему руку, уже было пошел к борту. Командир, ничего не подозревая, почти поднялся в проём двери, когда сержант Аверин увидел в руке проводника блеснувший «Диринджер».

Все было, как в кино. Чеченец вскинул руку для выстрела, а сержант Аверин, не задумываясь, закрыл спиной старшего лейтенанта Лютого. По всей вероятности, пуля должна была попасть в заднюю плитку бронежилета и тогда ничего бы не случилось. Хотя закон подлости еще никто не отменял. Именно по этому закону пуля попала не в бронежилет, а в шею сержанта. Перебив артерию, она не оставила ему никаких шансов. Сергей обернулся и, бросив в борт кейс, втянул тело сержанта Аверина. Вертушка взмыла вверх, закручивая спиралью пыль и сухую траву чеченских гор.

Сергей, увидев струю крови рвущуюся из артерии, старался зажать её, но она, скользкая от теплой крови, выскакивала из-под его пальцев.

– Инструктор!!! – завопил Лютый, всматриваясь в бойцов.

В эту секунду все замерли от шока, не ожидая такого исхода событий. Санинструктор бросился к сержанту, вытаскивая на ходу пакеты, бинты и корнцанги, которыми можно было пережать артерию.

Но сержант Аверин уходил. Кровь очень быстро покидала его тело, и с каждой секундой ему становилось все хуже и хуже. Легкое головокружение перешло почти в полную потерю сознания. Аверин, задыхаясь, протянул руку, схватив Сергея за рукав, как будто падал куда – то в пропасть:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.